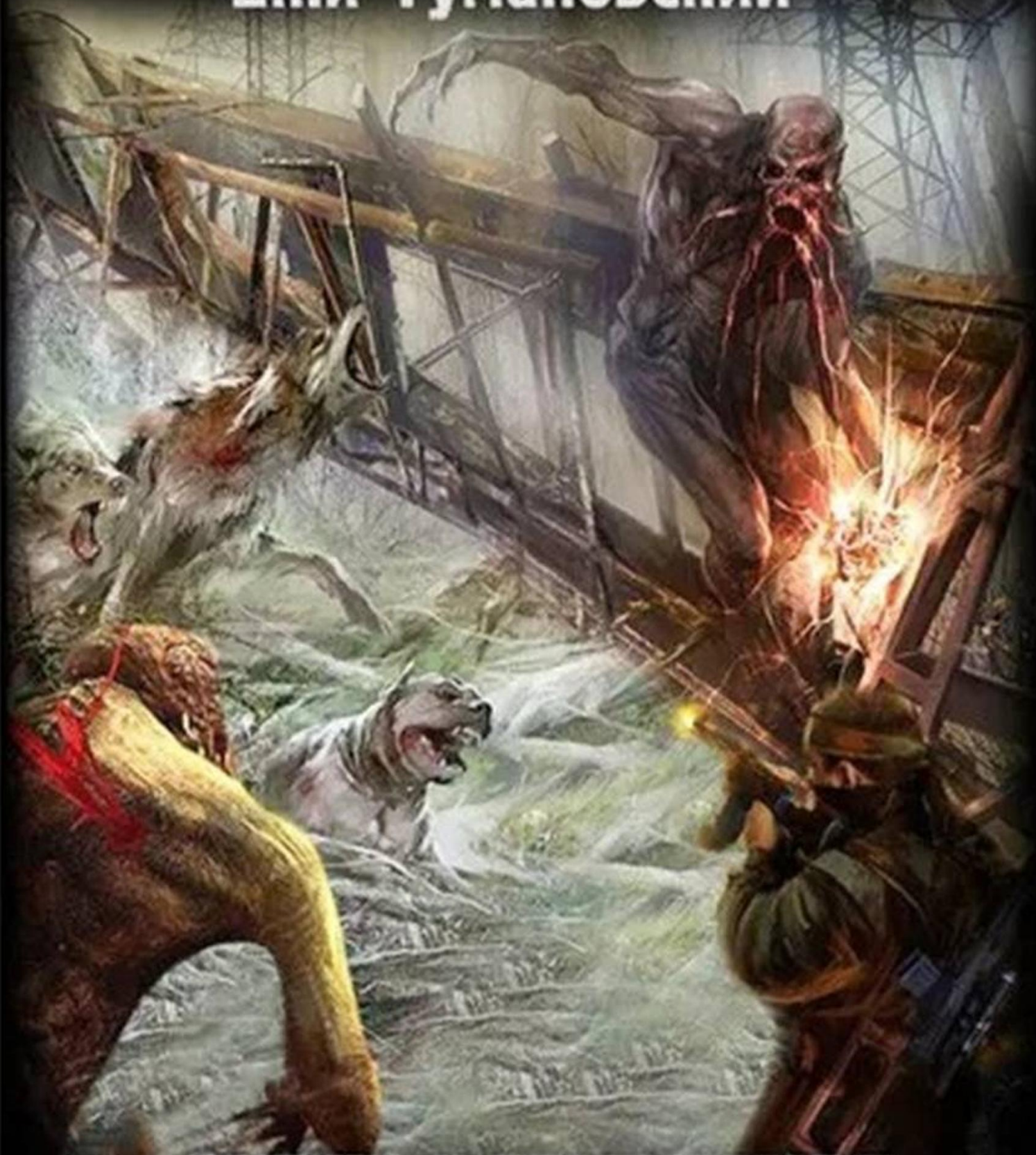

СТАЛКЕР

Ежи Тумановский

ДВА МУТАНТА

Александр Карфаген

Два мутанта

«Автор»

2026

Карфаген А.

Два мутанта / А. Карфаген — «Автор», 2026

Озеро Подкова, укрытое от посторонних глаз среди непроходимых аномалий, не дает покоя любителям легкой наживы. Ведь посреди озера в плавучем доме живет старик-сталкер, накопивший, по слухам, немало редких артефактов. Но Зона ничего не дает просто так. Ни сталкерам «Свободы», заключившим временный союз с бандитами, ни сталкерам «Долга», жаждущим мести за погибших товарищей, ни военным сталкерам, которым приказали найти и вернуть любой ценой одного человека. Зона соберет их на берегах озера и даст возможность выяснить, кто из них достоин сокровищ Подковы. Но лишь два мутанта, оказавшиеся в центре событий, и по-прежнему считающие себя людьми, понимают, что настоящее сокровище невозможно унести в рюкзаке

© Карфаген А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Карфаген

Два мутанта

Роман Куликов, Ежи Тумановский

Два мутанта

Глава 1

Лечит не только время. Заново перебрав события самого грустного периода своей жизни, можно обнаружить настолько непогрешимую логику, связавшую поступки и финальный результат, что поневоле задумаешься о существовании некоей высшей силы, непрестанно творящей свой неумолимый суд. И горечь поражения отступает. Даже если поражение — твоя собственная смерть.

Те, кто добрался в самом себе до этой ступени, часто ударяются в религию. Я не могу бить земные поклоны или ходить с крёстным ходом вдоль колючей проволоки Периметра, окружающего Зону. Получив две пули в грудь, я умер в одном из гравиконцентраторов, временно расплюснутый чудовищными силами, облучённый смертельной дозой радиации и сожжённый без остатка в топке высокотемпературного ядра, пылающего под аномалией.

Но однажды приняв, Зона никого не отпускает просто так. Смерть отобрала моё тело, но не смогла пройти по аномальному полю за моими мыслями, памятью и душой. И я не чувствую горечи от того, что мой сталкерский путь закончился именно так — ведь все случившееся стало закономерным результатом именно моей жизни.

Я умер, но продолжаю жить. И смотреть туда, в мир живых, где остались мои жена и сын, где недавние соратники и друзья по несчастью покинули Зону, но не смогли уйти от её молчаливого присутствия даже после пересечения Периметра. Но сейчас не они привлекают моё внимание. Непонятные мне силы вновь пришли в движение, обозначая точки рождения многих взаимосвязанных событий ближайшего будущего.

Вот генерал-лейтенант Иволгин, совсем недавно предотвративший покушение на свою карьеру со стороны завистливых сослуживцев. Переиграв двух таких же генералов «в чистую», Олег Павлович Иволгин вдруг остро осознал свою вину перед обычным армейским капитаном, попавшим в жернова подковерных генеральских интриг, и сгинувшим где-то за колючей проволокой Периметра Зоны.

— Я тебя туда зачем посылал? — Генерал-лейтенант Иволгин никогда особой мягкостью характера не отличался, а теперь и вовсе походил на готовый к извержению вулкан. — Чтоб ты людей моих вернул. Я даже не спрашиваю про генералов Соколенко и Решетникова. Где капитан Сенников?!

— Разрешите доложить, Олег Павлович, — майор Кратчин явно чувствовал себя неуютно. — Не нашли мы их. Я писал в рапорте. Преследовали, подбирались совсем вплотную и даже спасали несколько раз, поддерживая огнём. Но они же теперь дисары. От кого хочешь по Зоне уйдут.

На столе у генерала стояла фигурка какого-то китайского божка. Пузатый гном с раскосыми глазами укоризненно смотрел на посетителя. Майору Кратчину божок не верил. Генерал, судя по всему, тоже.

— А чего же они от тебя бежали, майор? — вкрадчиво спросил Иволгин поднимаясь на ноги. — А может, все было немножко по-другому, а?

— Никак нет, товарищ генерал, — поднялся со своего места майор. — Все так и было.

— А на выходе, значит, вы попали в большую засаду мародёров и многие твои люди погибли.

— Товарищ генерал!

— А потом, значит, те же самые мародёры нашли где-то противотанковую мину, собрались вокруг, да и подорвались разом к едрене-фене. Причём, никто из твоих людей, оставшихся на тот момент в живых, не пострадал. Верно излагаю?

— Ну, товарищ генерал!

— Знаешь, что я думаю, майор? — Иволгин подошёл к окну, зачем-то посмотрел вниз и развернулся к собеседнику всем корпусом. — Бреешь ты, как сивый мерин.

— Я...

— Молчать! Мне все равно, зачем ты брешь! Все равно, что за артефакт вы тащили из Зоны, из-за которого эти мародёры-идиоты передохли! Ты мне Леху Сенникова живым из Зоны верни. Как хочешь. Лучше, если сам наберёшь новую команду и вернёшься туда, где моего боевого товарища за вонючий артефакт продал.

— Товарищ генерал, но ведь целых два месяца прошло!

— Пошёл вон, майор. Если через две недели капитан Сенников не будет сидеть в этом вот кабинете, под трибунал пойдёшь. Найдут там чего следователи — не найдут, неважно. Не отвертись. Сядешь надолго и качественно. Не буду скрывать — отправлял я уже группы на поиски, сразу после твоего провала. Не нашли они ничего. Но ведь ты что-то нашёл — я уверен в этом! Так вот: провалив первое задание, получаешь не другое, а то же самое. Чтобы у тебя были шансы остаться на воле — разрешаю взять все, что понадобится. Людей, технику, оружие какое надо. Бери сколько влезет. Но чтоб капитан Сенников...

Майор Кратчин, пытавшийся до этого вставить хоть слово, правильно оценил все интонации в голосе начальства. Не дожидаясь окончания генеральской речи, он вытянулся по стойке «смирно» и ответил:

— Все понял, товарищ генерал-лейтенант. Разрешите идти?

Получив от генерала Иволгина разрешение не стесняться, майор Кратчин стесняться и не стал. Для лично отобранных десяти человек он отобрал все самое лучшее, что нашлось в своих заниках, складах армейского спецназа, и даже в закромах НИИ Аномальных Явлений. Там, где не хватало авторитета Иволгина, в ход шли договорённости и честный обмен. В итоге, группа военсталов обзавелась мягкими и лёгкими бронежилетами, не уступавшими по прочности стандартным кевларовым, миниатюрными приборами ночного видения, последними модификациями особо чувствительных антенн для переносных детекторов, производство которых исчислялось пока штуками, и даже латанный-перелатанный шлем визуального наблюдения аномалий.

Эту штуковину, производства заокеанского хайтека, принесли в полевой лагерь НИИАЯ неизвестные сталкеры. Штуковина была сильно повреждена, но институтские умельцы вернули её к жизни. Стандартный интерфейс шлема позволял цеплять к нему любые детекторы аномалий и получать красивую картинку на полупрозрачной лицевой панели. Сам майор Кратчин считал шлем бесполезной игрушкой, но вняв настойчивым просьбам своего зама, давно просившего более совершенные детекторы аномалий, изъясил у институтских на время — вроде как для тестирования — под ответственность генерала Иволгина. Правда, сразу своим поставил условие: в дороге шлемом не заниматься, все эксперименты отложить до прибытия к озеру, где все равно придётся провести несколько дней, изучая обстановку.

Кроме того, памятуя, каким беспомощным он чувствовал себя на берегу подковообразного озера, Кратчин сумел выменять у «спецов» две надувные шестиместные лодки, склеенные из прозрачной пластиковой плёнки. Лодки были лёгкими, и в сложенном состоянии легко помещались под верхним клапаном рюкзака. Тонкие стенки не отличались прочностью, но на открытой воде озера это было не очень важно.

Гораздо более важной оказалась возможность установить на такую лодку три небольших водомётных двигателя, рассчитанных на питание от компактного аккумулятора. Три водомёта, правильно размещённые вдоль бортов, позволяли не только обойтись без весел, но и

обеспечивали неплохую управляемость лодкой с помощью простого джойстика. Скорость эти маломощные устройства давали небольшую, но зато все пассажиры могли беспрепятственно любоваться окрестностями через коллиматорные прицелы, вместо того, чтобы махать вёслами. Похожие на ребристые трубки, водомёты, и аккумуляторы для них, легко разместились на внешних подвесках рюкзаков.

Приятель-начпрод не поспешил на калорийные плитки оперативного питания из комплектов НЗ, отличную тушёнку в банках увеличенного объёма и сублимированные каши. Своя оружейка подготовила стволы и патроны. Связист клятвенно пообещал, что доведённые до ума персональные рации с мощными аккумуляторами, на небольших расстояниях смогут работать даже рядом с «электрой».

Все вместе дало майору абсолютную уверенность в своих силах. Тем более, что, зная дорогу, он рассчитывал добраться до окрестностей озера всего за двое суток.

Глава 2

Тем временем сталкеры из клана «Долг» обнаружили информационную закладку своего погибшего подразделения. Усиленный квад под командой Танка перед своим последним боем сделал все в точности, как предусматривалось внутренней инструкцией клана. Описание всего предыдущего маршрута, со всеми деталями проведенных операций, с координатами посещенных мест и списком уничтоженных мутантов, копировалось ежедневно на карту памяти и помещалось, по возможности, в особый тайник. Это помогло следопытам «Долга» разобраться в произошедшем, если квад не возвращался на базу в условленное время.

«Долг» это вам не сборище случайного народа, какими являются большинство сталкерских кланов. В теории, организация считается полувоенной, но, на самом деле, большинству военных может только сниться подготовка и дисциплина бойцов «Долга». Если бы не тотальная идеологическая обработка, превращающая серьезных профессионалов в отмороженных фанатиков-убийц, я без колебаний пошёл бы в ходку с любым из них.

Но я давно умер, а решительные парни в черно-красной униформе мало считаются с ценностью жизни, если появилось даже малейшее подозрение на недозволенную мутацию. И тот факт, что сразу три квадра наиболее могущественного сталкерского клана будут бродить внутри Периметра Зоны в поисках возмездия, рождает во мне самые дурные предчувствия.

Вот двенадцать человек вокруг костра. Черно-красная униформа, явный перебор с количеством огнестрельного оружия, строгие глаза, пугающие сильнее пистолетов и автоматов. С таким выражением на лице можно одинаково успешно обсуждать последние финансовые сводки, готовиться к выступлению в парламенте или планировать убийство. Но финансистов и политиков среди этих людей нет.

— Итак, подведём итоги, — Борг, как лидер одного из квадов, выступал в качестве командира сводного отряда, оставаясь при этом первым среди равных. — Мутант хоть и относится к новому типу Контролёров, но вряд ли об этом подозревает. Вполне очевидно, что квад Танка был ослеплён желанием уничтожить монстра. И даже опытейший квад-медик Танка, не понял, что этот самый Штык использует свою мутацию ненамеренно, в крайней ситуации, когда сильно напуган. Это значит, что мутант скорее всего не агрессивен, если его не пугать.

Одиннадцать человек внимательно слушали своего лидера. Сейчас, во время общего совета, каждый мог высказать свои соображения и оспорить любое из поступающих предложений. После начала очередной операции решения принимались только лидером квадра, а любое сомнение в его директивах становилось попросту невозможным.

Три квадра «Долга» ощущали себя настолько серьёзной силой, что даже не озаботились выставлением боевого охранения. За деревьями, окружавшими крохотную полянку, можно было разглядеть свежие трупы каких-то животных, неосторожно пытавшихся перебежать «долговцам» дорогу. В воздухе до сих пор висел острый запах пороховой гари.

— Поэтому, считаю необходимым произвести поимку Штыка и транспортировку его на базу-карантин. Жалко, не сделал Танк фотографий Контролёра и обоих его прикормышей. Но это ничего. Описания есть. Опознаём как-нибудь.

— Танк не сумел убить мутанта, — сказал светловолосый молодой парень, сидящий напротив Борга. — Целый усиленный квад не справился с одной мутировавшей единицей. Именно поэтому задание Центра было однозначным: ликвидация.

— Центр не обладал всей полнотой информации, которой теперь обладаем мы, — спокойно ответил Борг. — На территории Александровского совхоза квад-медик без особых трудностей сделал ему укол альфа-блокатора. Только невосприимчивость к этому препарату спасла мутанта от смерти. Через Поле Чудес Контролёр бежал, даже не пытаясь напасть. На озере — прятался. За все время — ни одной попытки воздействия на квад. И только попав в засаду, то есть будучи зажатым в угол, нанёс ментальный удар. Мы не допустим ошибки Танка. Штыка не надо пугать. Следует попробовать провести с ним переговоры, а потом усыпить. И транспортировать объект на базу-карантин.

Небольшая округлая впадина, по краям которой расселись люди в черно-красной униформе, была когда-то «плешью». Гравитационная аномалия, нахавшись больше, чем смогла «переварить», давно уже взорвалась, оставив после себя удобное место для привала, и незначительную остаточную радиацию. В десятке метров позади Борга периодически вспыхивала «жарка», но внимания на неё никто не обращал.

— А если не получится? — настойчиво спросил светловолосый «долговец». — Если он не захочет говорить? Или усыпляющий укол не подействует? Или мутант сразу начнёт ментальную атаку?

— Ты и так прекрасно знаешь ответ, — сказал Борг. — Один квад осуществляет операцию, остальные два — прикрывают. При первых признаках ментальной атаки, все снайперы работают на поражение.

— А почему до сих пор не было зачисток в этом районе? — подал голос командир второго клада, Варан. — В Зоне не так много мест, карты которых не соответствуют действительности. Вот на моей карте никакого озера нет.

— Никто толком и не знал, что внутри этой области находится, — ответил Борг. — Если забыть сплетни, было известно о некоем аналоге Поля Чудес. О существовании большого водоёма внутри скопления аномалий наша разведка докладывала. Но выхода мутантов тут никогда не замечалось. Теперь то мы знаем, что внутри аномального поля, вокруг озера, имеется относительно свободная от ловушек полоса, шириной до километра. Что посреди озера плавают дом, в котором живут люди. И что к озеру можно попасть аж через три узких прохода.

Сильный порыв ветра прошёлся по-хозяйски над кронами толстых, местами безобразно искривлённых деревьев с большими мясистыми листьями. Деревья возмущённо зашептали, грозя ветру кривыми ветками.

— Раз проходов мало, — сказал Варан, — значит задача упрощается. Зайдём, закупорим их, и спокойно отловим всех внутри этого «мешка».

— Все верно, — согласился Борг. — Но сперва разведка. Я всё-таки надеюсь со Штыком договориться по-хорошему. Без новых знаний эффективное истребление мутантов невозможно. Штык может дать совершенно новое понимание принципов жизнедеятельности всех контролёров вообще. С этим все. Теперь поговорим о маршруте.

Лидер сводного отряда «Долга» произвёл необходимые манипуляции со своим коммуникатором и продолжил:

— Только что я сбросил всем карту озера, сделанную квадом Танка.

Люди зашевелились, извлекая свои коммуникационные устройства.

— Озеро дугообразное, вытянутое с севера на юг. Северную и южную оконечности озера сталкер Крот называет «рукавами». Между ними — возвышенность. Видите, «рукава» словно обнимают её с двух сторон. Высота не указана, но думаю, что это просто обычный холм. Позади этого холма — русло ручья, по которому Танк сумел проплыть к озеру. Берега там непроходимы, но по воде пройти можно. Ещё один проход существует с южной стороны, а третий — самый сложный — расположен на северо-западе. Судя по данным, оставленным Танком, он получил эти сведения от бандитов, которых потом уничтожил. А те, в свою очередь, достали

где-то карту самого Крота. И, судя по каракулям сверху, сами дали озеру имя. Так что, идём мы уже не к безымянному водоёму, — Борг усмехнулся и покачал головой, — а к озеру Подкова.

Глава 3

Все? Нет, не все. Уж очень много озёрный сталкер Крот натаскал в своё хранилище всевозможных редкостей, способных свести с ума любого, кто не научился держать свои желания под контролем. Даже майор Кратчин, единожды побывав в артефактной «сокровищнице» Крота, хорошенько все обдумав, не рассказал своим людям ни слова об увиденном. Понимал опытный вояка ослепляющую силу шальных денег.

А вот Крот, кажется, этого совсем не понимает. Иначе не водил бы каждого встречного в хранилище, устроенное в одной из железнодорожных цистерн под своим домом. Любой артефакт для старого сталкера, это прежде всего источник информации об аномалии, породившей его. При этом Крот прекрасно знает что и сколько стоит, но мало задумывается о том, какое впечатление производит вид сотен артефактов на понимающего человека.

Вот молодой парень по кличке Палёный. Попав несколько месяцев назад в передрагу, он уж и не надеялся остаться в живых, но Зона сжалась над ним. Крот, случайно обнаруживший бедолагу, не только отвёз его в свой дом, где выходил и позволил полностью восстановить силы, но и подарил на прощание несколько артефактов. Перед этим неосторожно разрешив Палёному сколько угодно времени проводить в хранилище.

Палёный не остался в долгу и по выходу за Периметр немедленно продал информацию о старом сталкере и его сокровищах одной из бандитских группировок. Рассчитывая, что чемодан денег поможет ему без проблем сменить не только страну, но и континент. Но прощитался.

В гости к озёрному сталкеру отправилась группа любителей делить чужие артефакты, а Палёного закрыли в подвале вместе с его денежным чемоданом. И обещали отпустить, когда артефакты Крота окажутся по эту сторону Периметра. Но что-то пошло не так, и ни один из любителей чужих сокровищ обратно не вернулся.

Но когда гибель неудачников останавливала лихих парней в погоне за богатством?

— От него пахнет дерьмом, — недовольно сказал Хук, брезгливо рассматривая грязное существо, крепко прижимающее к груди большой тряпичный чемодан. — Да и выглядит он как дерьмо.

— Ну а ты что хотел? — добродушно усмехнулся Карась, кривыми татуированными пальцами выуживая из консервной банки кильку. — Он за свои бабки уже полтора месяца в моем подвале сидит. А теперь отведёт твоих парней к этому озеру и тогда уж сможет привести себя в порядок.

— Я? К озеру?! — Палёный, до того со страхом смотревший на двух крепких людей, небрежно развалившихся за накрытым столом, кажется, впервые осознал, что он уже не в подвале, наедине со своими галлюцинациями. — Карась! Я же тебя просил! Я же тебя как человека просил!

Голос Палёного сорвался на всхлип, ноги подломились и он с рыданиями опустился на пол. Продолжая крепко прижимать к груди чемодан с деньгами.

— Слышь, Палёный, ты тут бабу из себя не строй, — брезгливо сказал Карась, вытирая руки о край скатерти. — Вот уважаемый человек из лучшего в Зоне сталкерского клана, «Свобода». Зовут Хук. Отведёшь его людей и наш вспомогательный отряд к озеру этого хрыча. И все, к тебе вопросов больше нет.

— Мы так не договаривались! — неожиданно зарычал Палёный и, оскалившись, попытался подползти к столу.

Неподвижный до этого момента, охранник у дверей поднял кнут и ловким ударом впечатал ползуна к полу. Палёный выгнулся в спине, заорал дурным голосом и зарыдал с удвоенной силой, продолжая прижимать чемодан к груди.

— И как я с этой падалью по Зоне пойду? — Хук с отвращением перевёл взгляд с Палёного на Карася. — Он так с чемоданом и пойдёт?

— Я не пойду! Я ни к какому озеру не пойду!! — истерично завизжал Палёный.

Карась качнул охраннику головой. Тот натянул на руки перчатки, подошёл к Палёному сзади и коротко ударил его ногой по рёбрам. Палёный тонко взвизгнул и выпустил чемодан. Охранник заломил руку пленника за спину, схватил другой рукой за волосы и повернул голову Палёного в сторону Карася.

— Хороший у тебя телак, — одобрительно сказал Хук, глядя на профессиональную хватку охранника. — Даже не морщится. Меня бы уже пару раз стошнило.

— Слушай меня внимательно, Палёный, потому что дважды я повторять не буду, — жёстко сказал Карась, наклоняясь вперёд. — Ни один из моих людей, отправленных по твоей наводке, не вернулся, хотя прошло уже больше двух месяцев. Это значит, что ты кое-что перепутал. Но тебе повезло, я не буду тебя убивать. Вот люди Хука что-то слышали об уничтожении отряда вольных бродяг военсталами из группы этого упыря, майора Кратчина. С Кратчиным я сам разберусь. А у тебя есть шанс избежать моей мести. Сам поведёшь людей Хука. И тогда к этому чемодану Хук добавит ещё один, такой же.

Палёный бессмысленно тараторил на Карася и оставалось неясным: дошла ли до его сознания хоть половина из сказанного.

— Накормить, одеть, подготовить к выходу, — сказал Карась охраннику.

— И помойте его! — быстро добавил Хук. — Не хватало ещё мне по Зоне в компании с нечищеным сортиром ходить.

— Через пару дней наступает самое время, чтоб Зону топтать, — сказал Карась, возвращаясь к банке с килькой, когда Палёного вытащили за дверь. — С последнего Выброса времени прошло сколь надо и до следующего ещё далеко. Хватит, чтоб туда-обратно сходить, на месте побыть, и ещё в запасе время останется. Сам идти собирался, ждал большого «окна» между Выбросами, да вот дела не пускают.

«Не пускали» Карася серьёзные долги перед кланом «Свобода», но об этом вслух никто, разумеется, не говорил. Все мирно решили ещё неделю тому назад.

— Что с этим твоим Палёным делать, когда к озеру выйдем? — небрежно спросил Хук. — Неохота мне его обратно тащить, разболтает ведь, сука, про взятый хабар, кому не надо. Может, как воду увидим, пускай катится?

— Куда ещё «катится»? — удивился Карась. — Как ненужен будет — засунь его в «плешь» или в «жарку». На кой хрен он мне тут нужен?

— На деньги этого чмыря повёлся? — поддел его с ухмылкой Хук и потянулся за стаканом.

— Да что деньги? Чемодан жалко, — в тон ему ответил Карась.

Глава 4

Почему-то там, в обычном мире, принято считать, что мёртвые знают больше, чем живые. Во всяком случае, среди тех, кто верит в самую возможность посмертного существования. Почему, погибая, человек становится якобы всеведущ, надо спросить у того чудака, который это придумал. Я могу наблюдать за разными людьми и разными событиями, но глубинный смысл происходящего, как и прежде, скрыт от меня.

Вот, к примеру, озеро, охватившее с двух сторон склоны крутобокой, но не очень большой горы. Не горы даже, так, горушки. Прямо посреди обширного водного пространства, с достоинством корабля, попирает озёрные волны самый настоящий дом. Сталкер Крот построил его поверх настила, которым скрепил несколько полупустых железнодорожных цистерн.

Вот генералы Соколенко и Решетников. Бывшие генералы. Теперь, это сталкеры Буль и Хомяк. Потеряв память после атаки одного из страшнейших монстров Зоны, они обрели способность ощущать присутствие аномалий задолго до того, как их обнаружат приборы.

А вот и капитан Сенников. Ещё один новоявленный сталкер. Ещё один странный мутант. Наверное, только благодаря ему я перестал бездумно бродить по руинам своей памяти и вновь могу наблюдать, оценивать и размышлять.

Я не знаю, как ощущают ловушки-аномалии сталкеры-дисары. И не могу предсказать, как поведёт себя в следующую минуту «ментальное зеркало» внутри сталкера Штыка, которым стал капитан Сенников. Но я чувствую, что от этого капитана тянется какая-то странная нить и в моё прошлое. Хотя впервые этого человека я «увидел» всего лишь месяц назад.

Штык сидел на краю платформы и бездумно разглядывал далёкий, заросший густым тёмным лесом, берег. Под ногами плескали в бессильном негодовании крохотные волны, накатываясь ряд за рядом на бока равнодушных полупритопленных цистерн и безрезультатно теряя в этой бесконечной атаке одну ветро-водяную дивизию за другой. Справа, вздымаясь из воды полуразрушенным зубом, над озером и домом громоздилась гора, закрывая лесистой верхушкой большой кусок вечно серого неба Зоны. Слева, в сторону самого близкого участка берега, неспешно удалялась лодка с двумя гребцами.

Несмотря на обычную осеннюю прохладу, Штык оставил куртку дома, благо старый свитер Крота пришёлся ему впору.

Позади, тихо скрипнув, открылась дверь. Штык слегка напрягся, пытаясь почувствовать изменения внутри. Все было как обычно. Может, в этот раз не работает?

— Крот? — неуверенно спросили сзади.

— Нет, рядовой, это я. Штык.

— Мой генерал! — обрадовался Хомяк, полностью отворил дверь и вышел на платформу.

— Теперь узнаешь? — с печальной иронией спросил Штык.

— Как пелена с глаз упала, мой генерал, — чуть виновато ответил Хомяк. — Но вы же знаете...

— Сколько раз говорить. Не «вы». На «ты» разговариваем.

— Так точно, товарищ генерал, — неуверенно сказал Хомяк.

— Давай оправляйся и умывайся. Завтрак сейчас соорудим.

— Разрешите немного побыть на воздухе, мой генерал, — Хомяк приложил руку к груди и сделал несколько глубоких вдохов. — Одышка мучает. В остальном — совсем уже сегодня хорошо. Может даже, Крот разрешит убрать эти камни.

Два оранжево-серых окатыша, привезённых Кротом откуда-то с верховий ближайшего ручья, выглядывали из-под повязки блестящими округлыми боками. Если бы не абсолютная уверенность старого сталкера в лечебной силе этих артефактов, покоиться бы им давно на дне озера. Но Крот после каждой перевязки обязательно фиксировал камни на груди своего единственного пациента. И, по всей видимости, с пользой для дела: поправлялся уже далеко немолодой больной без каких-либо осложнений.

Штык, не говоря больше ни слова, поднялся, и принёс с другого конца платформы лёгкое складное кресло. Хомяк немедленно устроился в нем и принялся изучать окрестности.

— Буль с Кротом опять поплыли «хребтовую константу» изучать? — спросил он, глядя вслед удаляющейся лодке.

— Нет, сегодня дальше пройдут. До того берега, и там пешком. На целых три дня собрались, — Штык снова уселся на краю платформы, свесив ноги над водой. — Какая-то аномалия за рощей линь-сосен давно уже росла-росла, да и выросла. Крот с самого утра своими ноутбуками шуршал, камеру и регистраторы готовил. Ладно, хоть потом успокоится. Наверное несколько дней будет данные анализировать да отчёты строчить.

Они замолчали, думая каждый о своём. За последние недели Штык проникся особой красотой окружающих пейзажей. И вода в озере, и низкие тучи над головой, и даже гора каждый день были снова другими, мало похожими на то, чем были ещё вчера. Во многом это, конечно, зависело от аномалий, количество которых вокруг озера и, особенно, под водой исчислялось, по словам Крота, сотнями. Днём их активность выборочно росла и менялась по определённому графику, создавая причудливые картины из воды и пара. Ближе к вечеру, в первых сумерках, под водой все заметнее становились красные и синие вспышки, создававшие в сочетании все с тем же паром невероятной красоты объёмные движущиеся картины.

— Как у тебя сегодня? — спросил Штык, не поворачивая головы. — Не болело?

— Не болело, мой генерал. Чешется вот только под повязкой, но Крот чесать не велит. Говорит, что надо потерпеть немного, а ежели уже совсем никак — каменику зелёную сверху прикладывать. Но сколько не прикладывал — не помогает что-то.

Первые дни после ранения Хомяка, Штык подолгу сидел на краю платформы, целиком погружаясь в прихотливую игру стихий и отрешаясь от тяжёлых мыслей, грызущих его изнутри. Правда, с каждым днём забываться становилось все сложнее. Потом Крот строго объяснил своему гостю, что в его хижине бездельникам не место, и стал поручать всяческую хозяйственную работу, заботливо контролируя, чтобы бывший капитан не сидел без дела ни минуты. И постепенно, вязкое напряжение начало отступать, подобрало когти и спрятало клыки.

Отошёл в далёкое прошлое и почти забылся Олег Павлович Иволгин, невольное предательство которого вырвало капитана Сенникова из размеренной армейской жизни и загнало в самое сердце Зоны. Притупилось чувство вины за смерть усиленного клада «Долга» и тяжёлое ранение Хомяка. В привычную реальность превратился тот факт, что к прежней жизни капитан Сенников уже не сможет вернуться никогда. И если бы не странности, день ото дня проявлявшиеся все сильнее, можно было бы вообще забыть обо всем и погрузиться в обычную беззаботную, почти курортную, жизнь.

Но признаки чего-то, что больше года таилось в капитане Сенникове после атаки контролёра, давали о себе знать почти каждый день. И вроде бы ничего страшного не происходило. То Буль начинал ворчать без особой причины, до мельчайших интонаций в голосе копируя Крота. То Хомяк, обращаясь к Булю, называл его «генерал Штык». То Крот, войдя в дом, с нехарактерной для него нерешительностью начинал разглядывать своих гостей. И все бодрые заявления старого сталкера о том, что каждое новое проявление «ментального зеркала», тая-

щегося внутри Штыка, позволяют лучше понять его природу, казались Алексею Сенникову малоутешительными.

Кроме внешних и вполне очевидных неудобств, имелись и другие признаки того, что «ментальное зеркало» продолжает своё развитие. В первые дни блуждания по Зоне Штык никак не связывал происходящие вокруг него странности с появлением чёрных пятен перед внутренним взором. Позже он догадался, что чёрное пятно, которое он вдруг начинал видеть хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами, обозначает усиление активности его заболевания. Но если раньше клякса перед глазами расплывалась, как правило, только в критических ситуациях, теперь тёмные точки самых разных размеров Штык «видел» очень часто. И даже перестал обращать на них внимание.

— Мой генерал, — осторожно сказал Хомяк. — Посмотрите вон туда. Мне кажется или по склону горы что-то движется?

Штык повернул голову и всмотрелся туда, куда показывал пальцем бывший генерал Решетников, совсем недавно превратившийся в сталкера Хомяка. Несмотря на приличный возраст, зоркостью генерал мог похвастать и перед молодыми солдатами. Правда, сколько Штык ни вглядывался, ничего подозрительного так и не заметил.

— Мне показалось, — неуверенно сказал Хомяк, — что там прошёл человек. Прошёл и спрятался в кустах.

— Крот говорил, что трудно сюда добраться, если не идти целенаправленно — успокаивающе сказал Штык. — Словно отводит кто-то глаза и не даёт случайно тут оказаться. Потом надо найти проход среди аномалий. Это тоже непросто. А из тех, кто знал дорогу... «Долговцы» Танка погибли — это мы сами видели. Из бандитов вряд ли кто выжил, а военсталы майора Кратчина, продав артефакт, наверняка уже забросили свою службу. Так что, маловероятно, что это был человек. Скорее уж болотная тварь. Может, даже та самая...

— Может, — с сомнением сказал Хомяк. — Но тогда наших бы предупредить — как бы они на неё не наткнулись. Хотя она на другом берегу, ей вокруг озера обойти — пары часов хватит.

— Крот здесь давно живёт, и как-то справлялся до сих пор один, — Штык поднялся с места. — Пойдём-ка лучше позавтракаем, да снова ложись, поспи.

— Давайте, вы лучше из лука постреляете, а я посмотрю, — просительно сказал Хомяк. — Надоело уже спать целыми днями.

В какой-то сотне метров от дома вода вспучилась, пошла белой пеной и вдруг выбросила вверх струю пара.

Из лука Крота Штык стрелял почти каждый день. За три десятка шагов, отделяющих один край платформы от другой, самодельный лук, склеенный из прочного дерева и роговых пластинок, стянутый тетивой из жил псевдоплоти, бил точно и достаточно сильно, чтобы насквозь дырявить доску позади мишени. Правда, прежде, чем научиться класть стрелы хотя бы в полуметровый круг, Штык потратил на тренировки не меньше двух недель.

Лук успокаивал. Когда рука касалась шершавой светло-серой рукояти, обмотанной для надёжности грубой нитью, тяжёлые мысли отступали на задний план. Вместо печальных размышлений в голове вдруг появлялась звонкая пустота. Концентрация на выстреле из лука давалась Штыку во много раз проще и естественней, чем при стрельбе из автомата. Словно что-то первобытное, просыпаясь, обнаруживало привычный инструмент для охоты и войны.

Кроме того, во время этих тренировок «ментальное зеркало» внутри, никак себя не проявляло, что заставило Штыка в поисках решения своей проблемы стрелять однажды почти пять часов подряд. Он жутко изранил пальцы и довёл мышцы рук и груди до болезненных судорог, а Крот даже начал ворчать, что при такой стрельбе скоро все стрелы придётся менять на новые. Зато потом весь вечер Штык наслаждался ощущением полного спокойствия и уверенности, что рецепт лечения найден. Ставшие почти привычными последнее время маленькие чёрные

кляксы, плавающие перед мысленным взором, исчезли без следа, и остаток дня не было ни единого признака, демонстрирующего, что нечто внутри Штыка умеет ловить, трансформировать и отражать чужие идеи, страхи и ожидания. Правда, этой же ночью Буль внезапно проснулся задолго до рассвета и попытался что-то запустить на ноутбуке Крота, мотивируя свой поступок необходимостью доделать какой-то отчёт. По задумчивому взгляду старого сталкера, Штык, с трудом отправивший Буля обратно в кровать, догадался, что Крот действительно думал вечером о ночной работе.

Хомяк любил смотреть на стрельбу из лука, поэтому когда убрав со стола после завтрака Штык вышел из дома с луком и стрелами, бывший генерал Решетников, а ныне рядовой Хомяк, уже сидел в лёгком кресле так, чтобы видеть стрелка и мишень. Лёгкий ветер гнал по озеру мелкую рябь, со стороны горы натягивало лёгкий туман, а вдалеке справа виднелся чудовищной высоты фонтан, где мощный подводный «трамплин» отправлял в небо ежесекундно не меньше тонны воды.

Крот на охоте носил стрелы в руке. Штыку для стрельбы по мишени это казалось неудобным, поэтому он, провозившись несколько часов, сшил себе из шкуры какого-то животного колчан. И вешал его на пояс, сдвигая за спину. Чуть позже Крот посоветовал, как сделать для него жёсткий каркас, и с тех пор извлекать стрелы из колчана стало очень удобно. Стрельба из лука быстро превратилась для Штыка в своего рода искусство, когда на душе становилось легко, а каждый выстрел доставлял настоящее эстетическое удовольствие.

Короткий, немногим больше полуметра, лук удобно лежал в левой руке. Правой Штык медленно вытянул стрелу с коричневым пушистым оперением из длинного меха. Прямо за мишенью небо заслоняла гора. На секунду он замер, впитывая каждое мгновение бездумного счастья ожидания выстрела. Хомяк вытянул шею, стараясь не пропустить ни единого движения. Плавным движением Штык наложил стрелу, поднял лук и натянул тетиву. Глубоко вздохнул. Короткая пауза, щелчок тетивы и глухой звук расщеплённой древесины. Стрела торчала на ладонь правее центра мишени. А ей вслед уже летела вторая стрела.

— Здорово! — ахнул Хомяк, провожая глазами третью стрелу, составившую с первыми двумя равнобедренный треугольник.

— Что ж тут здорового? Ни одного точного выстрела, — самокритично сказал Штык, улыбнулся и потянул из колчана сразу две стрелы.

— Мой генерал, — внезапно сказал Хомяк. — Почему Вы хотите от нас уйти?

— С чего ты это взял? — равнодушно спросил Штык и почти без паузы, в одно слитное движение, метнул обе стрелы в мишень. — И сколько раз говорить: на «ты» обращайся.

— Не знаю, — честно признался Хомяк. — Но мне кажется, что вы... ты все время думаешь теперь об этом. Просто идти тебе некуда.

Стрелы вошли в мишень хуже, чем при стрельбе по одной, да и расстояние между ними оказалось слишком велико.

— Не получается двумя стрелами сразу стрелять, — улыбнулся Штык и провёл рукой по мягкому «ковру» оперений в колчане.

— Ничего страшного не происходит, — продолжал гнуть свою линию Хомяк. — Ну передаются наши настроения через тебя куда-то ещё — ну и что?

— Не передаются, — спокойно поправил его Штык, — а отражаются. Мы все в этом доме давно общаемся как в комнате кривых зеркал: не столько друг с другом, сколько с искажёнными отражениями самих себя. И ведь это только начало. С каждой неделей «ментальное зеркало» становится все сильнее. Чей страх увидел Буль, когда был абсолютно уверен, что под домом прячется гигантская акула? Свой, отражённый во мне? Твой, отброшенный мной на него? Крота? Он ведь до сих пор уверен, что видел эту акулу собственными глазами!

— Ну почудилось — с кем не бывает? — Хомяк притворно пожал плечами.

— А Кроту, неделю тому назад, «почудилось», что ночью кто-то на горе жёг костёр. Разумеется, там никого не оказалось.

— И что с того? Мой генерал, вы излишне трагедизируете...

— Нет, рядовой, я рассуждаю холодно и трезво. В один совсем не прекрасный момент, вы начнёте стрелять друг в друга. Знаешь, почему? Потому, что один из вас подумает о слепых псах, кровососах или контролёре, а все остальные увидят их вокруг себя. Не знаю, что «увидели» «долговцы» Танка, но перестреляли друг друга они именно поэтому.

— Мне кажется, Вы слишком часто думаете об этом и уже нафантазировали себе всякого, — успокаивающе сказал Хомяк. — Все пройдёт...

— И все там будем, — в тон ему подхватил Штык. — Я опасен. Это очевидно. Решения найти пока не удалось. И даже у Крота нет идей, что со всем этим делать. Лучше всего мне сейчас оказаться в руках учёных и медиков — там хоть никто из-за меня не пострадает.

— «Я, из-за меня, мне», — передразнил Штыка Хомяк. — А о нас вы подумали?

— Я же сказал: на «ты».

— Никак нет, мой генерал. Если вы не желаете признавать наше право помочь вам в тяжёлое время, значит мы будем общаться исключительно на «вы».

— Что ты от меня хочешь? — устало спросил Штык, выдернул стрелу из колчана и наложил её на тетиву.

— Чтобы вы пообещали, что не сбежите однажды вдруг, куда глаза глядят.

— Да куда ж я побегу, рядовой Хомяк? — сквозь зубы сказал Штык, со всей силы натягивая лук. — Я ведь не дисар. И приборами для определения аномалий пользоваться почти не умею. Мой побег закончится в первой аномалии. Мне бы хотелось избавить вас от своего присутствия, но я не самоубийца.

— Пообещайте.

— Ну хорошо. Обещаю. Доволен?

Лук с такой силой бросил стрелу в мишень, что на миг показалось: между ними — луком и мишенью — легла личная вражда. Лёгкое костяное остриё с треском расщепило доску. Штык хмыкнул и потянул за красное оперение следующую стрелу. Красным Крот помечал стрелы со стальными наконечниками.

— Давай-ка после обеда сгоняем по южному рукаву до заднего склона горы, — примитивно сказал Штык, — Крот говорил, что там охотится иногда на зайцев. А я уже чувствую, что готов бить настоящую дичь. Крот с Булем послезавтра вернутся — а у нас свежая зайчатина на столе.

Отплывая с Булем на три дня, Крот наказывал почаще вытаскивать Хомяка на нетяжелые физические работы, а потом заставлять побольше есть и спать. Да и самому Штыку уже хотелось как следует размяться и ощутить твёрдую землю под ногами.

— Да разве это зайцы, — рассеянно возразил Хомяк. — Название одно. И жрут не пойми что. А мясо — как резина.

— Ничего, — бодро сказал Штык. — Сплываем, поохотимся. Ты немножко погребёшь, чтоб мышцы поработали, развеешься. Заодно каменной смолы наберём — Крот все равно за ней собирался.

— Не велел Крот без него на берег соваться, — сказал Хомяк, переводя взгляд на Штыка.

— Да брось. Старик перестраховывается во всем. Мы с Булем уже плавали несколько раз, там и аномалий по пути не так много. А после обеда есть пара «окон», когда активность аномалий понижена. Все хорошо будет. Хоть по твёрдой земле походим.

— Катамаран возьмём? — все так же рассеянно спросил Хомяк, поворачиваясь лицом к далёкому берегу южного рукава озера.

— Давай лодку.

Глава 5

Несмотря на возможность следить за всем, что происходит в Зоне и даже далеко за её пределами, чаще всего моё внимание приковано к подковообразному озеру, где в плавучем доме обитают трое людей, не так давно буквально выдержавших меня в моё нынешнее состояние. До того момента, как на Поле Чудес появилась эта троица, я ни о чем не думал, да и вообще походил больше на печального призрака, которому земные страсти не дают упокоиться в могиле.

Помню чувство страшной тоски, сжимавшей мою уже несуществующую на тот момент грудь, и невыносимую горечь понимания, что ни увидеть сына, ни помочь ему в беде мне больше не удастся. И вот однажды, прямо посреди самого жуткого места Зоны, где плотность и мощь аномалий практически не оставляет неподготовленному человеку шансов на выживание, я увидел Саику. Мой сын брёл, спотыкаясь, вслед за двумя немолодыми людьми, и вся эта дичайшая процессия двигалась прямо в самый центр аномального скопления. Вдобавок, на краю Поля Чудес стояли люди в черно-красной униформе, не давая Саике и двум его поводырям выйти обратно. Я испытал самый настоящий шок. Вокруг моего сына бушевали аномалии. И жить ему оставалось считанные минуты.

Я не мог ничего сделать. Мне предстояло пережить зрелище в сто крат более страшное, чем собственная смерть. Невыносимая боль резанула по глазам, перехватила отсутствующее дыхание, вступила чудовищным шаром в давно сгоревшей груди. И тут я словно проснулся. Не было никакого Саики. Среди аномалий, вслед за двумя странными людьми, едва переставляя ноги, шёл незнакомый мне человек. На смену шоку пробуждения пришло облегчение и недоумение.

Вглядываясь в фигуры людей, которым предстояло вот-вот умереть в пучине огня двух огромных «жарок», я вдруг понял, как им удалось так близко подобраться к центру Поля Чудес. Два немолодых поводыря оказались мутантами-дисарами, что уже само по себе смахивало на чудо. В человеке же, слепо бредущем следом, смутно угадывалось нечто, способное отражать тонкие материи. Например, мыслеобразы. Я так сильно хотел увидеть Саику, что увидел его в этом человеке. Как в зеркале.

Два дисара и мутант, способный отражать чужие мысли, заинтриговали меня настолько, что я сперва не заметил качественных изменений произошедших со мной. Осмысление пришло позже. А тогда мне так захотелось помочь этой странной компании, что дисары ощутили моё присутствие. Судя по зазорному блеску внутри третьего мутанта, дело не обошлось и без его отражающего «зеркала». И тогда я показал дисарам, как разрядить «жар-хлопушку», «электрику» и пяток других аномалий. А потом следил за ними до того самого момента, как они оказались в плавучем домике Крота.

Так я снова обрёл возможность размышлять и вспоминать. А моими любимыми объектами для наблюдения стали ментальный мутант — генерал Штык — и два чудных дисара: рядовой Хомяк и ефрейтор Буль.

На берег Буль выбрался первым. Постоял немного, ориентируясь в ощущениях, потом сделал несколько уверенных шагов вперёд и замер, повернувшись лицом в сторону неглубокой ямы с покатыми краями. Крот все это время стоял на носу лодки с карабином наизготовку.

— Здесь «плешка», — уверенно сказал Буль, показывая пальцем в сторону ямы. — Возраст — недели три.

Он вытянул руку вперёд, прикрыл глаза, пошевелил пальцами и медленно присел.

— Судя по изменению напряж... на-пря-жён-но-сти, — с трудом выговорил он, — ядро аномалии появилось на несколько метров выше слоя глины. Поэтому будет опускаться вниз по мере роста и, со временем, может сместиться в сторону ложа озера. Утонет, в общем, однажды.

— Молодец, — похвалил Крот, и осторожно сошёл на землю, продолжая держать карабин наготове. — Только это не чистый «гравиконцетрат». Похоже, что ядро аномалии подтянуло к себе молодую «жарку»: обрати внимание — края у ямы не только выглядят плотными, они ещё и обожжены.

Словно в подтверждение его слов, над краем ямки возник шарик жаркого огня, качнулся ближе к центру и исчез, обдав Булю потоком тепла.

Пятачок берега, отделённый от леса на протяжении нескольких десятков метров густыми кустами, выглядел удобным для высадки с воды, но одновременно служил местом для водопоя местному зверью. Встретиться на узкой тропинке с псевдоплотью или даже обычным диким кабаном желания у людей не было, поэтому всякий раз выбираясь на берег, Крот тщательно осматривал прилегающие территории и устанавливал датчики движения.

— Ставь мины, маскируй лодку. Как тропинку осмотрю — позову, — сказал Крот Булю, и осторожно двинулся в сторону леса.

Одетый как и Буль в плотную серо-зелёную куртку с капюшоном, старый сталкер даже с рюкзаком за плечами и чехлом с упакованным в него блочным луком и стрелами вскоре перестал быть замечён на фоне такой же серо-зелёной растительности. Это означало, что следующие полчаса Булю предстояло провести в полном одиночестве, занимаясь подготовкой к возможному поспешному отступлению. В недавнем прошлом действующий генерал Соколенко, а теперь обычный сталкер, Буль вздохнул, сходил к лодке за своим рюкзаком, а затем принялся аккуратно извлекать из деревянного ящика и готовить к установке целый набор противопехотных мин.

В принципе, нынешняя жизнь Булю нравилась. Если бы не ранение Хомяка, то после недавних испытаний размеренное существование в доме на озере можно было запросто считать локальной копией загробного рая. Усиленное питание, ежедневный физический труд и полноценный отдых под крышей и в тепле почти полностью выветрили из памяти генерала ужасы короткого, но насыщенного событиями путешествия. Только чёрные полосы на ногах, поднимающиеся спиралью от щиколоток к коленям, иногда болели по утрам, но Крот специально для таких случаев выдал плоский серый камень с жирным блеском на слоющихся гранях, которым следовало растирать пятки и коленные чашечки. Со временем, боли стали слабее, а чёрные полосы перестали давить и стали больше похожи на экзотическую татуировку.

При этом как-то само собой сложилось, что Штык днём занимался хозяйством и присматривал за Хомяком, а Крот, вернувшись к своей исследовательской работе, забрал в помощники Буля. Зачем нужны все эти ежедневные процедуры с обмером и зарисовкой аномалий, Буль не понимал, но Крот придавал исследовательской работой большое значение и одного этого уже было достаточно. Ближе к вечеру они обычно возвращались в дом, ужинали и спускались в одну из цистерн, на которых покоилась платформа с плавучим домом. Там, в огромном хранилище артефактов, Крот устраивал небольшую лекцию, из которой Буль все равно ничего не понимал и только косился на излучающего энтузиазм Хомяка.

Погружаясь в привычный монотонный ритм, Буль не спеша расставил несколько «противопехоток» направленного действия, тщательно присыпал их палым листом, а затем взялся закапывать небольшие мины-«лягушки» с радиовзводом.

В этот раз Крот собрался уйти от берега достаточно далеко, и потому тщательно готовил обратную дорогу к лодке. В случае, если отступать придётся в спешке, можно будет воспользоваться радиовзрывателем и обеспечить себе минное прикрытие.

Правда, сам Буль не верил, что дело может дойти до такой крайности. У Крота карабин, у самого Буля — автомат, плюс в мешке за спиной две гранаты. Хватит отбиться от любой зверюги. Но, считая ежедневное минирование и разминирование берега старикинской блажью, спорить с Кротом не решался. Тем более, что в этот раз они должны были вернуться к озеру только через три дня. Наблюдать за редким явлением старик собирался не спеша и со вкусом. Тем более, что получив некоторое время назад в подарок новенький блочный лук, всегда искал возможность выпустить при случае десяток-другой стрел, отодвигая мишень на предельно возможное расстояние. А на платформе плавучего дома отодвигать мишень было просто некуда.

Через полчаса сводный отряд вышел к широкому ручью, по берегу которого Борг считывал пройти мимо аномальных скоплений к берегу озера. Обнаружить здесь асфальтовую дорожку никто не ожидал, но сплошной бурелом старых деревьев, тянувшийся вдоль русла ручья, поставил Борга в тупик. Подозвав к себе Варана и командира третьего клада по кличке Гар, Борг устроил короткое совещание.

— Не знаю, что здесь когда-то произошло, — сказал он обоим командирам клады, — но если мы по этим завалам пробираться станем, выберемся к озеру не скоро.

— На тот берег, — немногословный Гар говорил, как правило, исключительно по делу.

— Думаешь тот берег лучше? — скептически спросил Варан.

Гар, ничего не ответив, пролез под огромным старым стволом, вершина которого уже давно утонула в земле, а комель продолжал топорщиться поверх расщеплённого пня. Борг посмотрел на Варана, пожал плечами и пошел следом.

Продравшись сквозь нагромождение поросших светло-коричневым мхом стволов, и молодых, но уже вымахавших выше человеческого роста деревьев обновлённого леса, три фигуры в черно-красной униформе замерли на обрывистом берегу. Обрыв, как и сама водная преграда, оказался невелик, но до поверхности воды было все же не менее полутора метров. С учётом, что глубина ручья была незначительна, а противоположный берег полого поднимался, образуя террасу, можно было предположить, что раньше в этом месте текла хоть и небольшая, но настоящая река.

Сквозь прозрачную воду виднелось песчаное дно и редкие гирлянды тёмных водорослей, вытянувшихся вдоль течения. Другой берег с отлогими пляжами и жёлтым песком мог похвастать перед своим собратом целыми деревьями, что закрыли ручей своими тяжёлыми кронами, образовав своего рода высокий тоннель.

— Всё-таки не понимаю, что здесь такое могло произойти, — сказал Борг. — Другой берег действительно чист.

— Значит переправляемся? — риторически спросил Варан и, отломив длинную сухую ветку от поваленного дерева, сунул её в ручей.

В самом глубоком месте воды оказалось не более чем по грудь. Это означало, что переправиться можно без затей прямо здесь и уже через полчаса спокойно шагать по относительно чистому берегу.

Пока первый клад раздевался и готовился к преодолению брода, два бойца второго клада проводили замеры радиационного фона и брали пробы воды. Ещё двое, подсоединив выносные щупы к детекторам аномалий, проверяли русло на наличие аномалий выше по течению: достаточно одной не вовремя сработавшей подводной «жарки», чтобы в районе брода вода вскипела. Третий клад готовился обеспечить защиту, как полагалось по инструкции, хотя никакой опасности рядом пока заметно не было.

Первым в воду Борг отправил своего клад-медика, а вторым вошёл сам. Автомат вместе с одеждой он упаковал в непромокаемый чехол, но пистолет в кобуре, несмотря на ошетилив-

шийся автоматными стволами берег, Борг всё-таки повесил на шею. Следом с обрыва спускались снайпер со своей винтовкой, которую он двумя руками бережно держал над головой и опора квада, несущий свой тяжёлый пулемёт на плечах. Холодная вода быстро поднялась выше пояса.

Течение приятно ласкало кожу. Над головой поднималась в зенит зелёная крыша растительного свода. Другой берег манил жёлтым песком и открытым пространством, поросшим травой и низким кустарником, в котором практически невозможно спрятаться крупному хищнику. Все вокруг словно бы предлагало забыть о болях, печалях и опасностях, сесть, расслабиться и закурить сигарету. Опытному командиру было хорошо знакомо это чувство предвкушения близкого отдыха. Он положил руку на пистолет и большим пальцем проверил, не встало ли оружие случайно на предохранитель. Квад-медик, идущий впереди, тоже заметно напрягся.

Тёмная тень мелькнула под водой от ближайшего скопища водорослей.

— Вперёд, быстро! — заорал Борг, но квад-медик уже и сам большими прыжками мчался к берегу.

Понимая, что стрелять сквозь толщу воды бесполезно, Борг плашмя бросился на воду, стараясь как можно дальше отплыть в сторону и освободить третьему кваду сектор для стрельбы. Пистолет он держал в поднятой руке. На берегу опасность тоже заметили сразу. Снайпер и опора квада принялись резво отступать назад, а два пулемётчика на берегу вели стволами за скользящей под водой тенью, ожидая, пока Борг покинет опасную зону.

По всей видимости, тварь нуждалась в кислороде, поскольку вместо атаки под водой вдруг вынырнула на поверхность, глотнула зубастой пастью воздуха и попробовала снова нырнуть. Но Борг теперь оказался в почти привычной ситуации. И как только над водой появились чёрный нос и раскосые хищные глаза, немедленно высадил половину обоймы в голову и холку ныряющего зверя. Тварь забилась в конвульсиях, разбрызгивая во все стороны воду, затем разом обмякла и, медленно опускаясь на дно, поплыла, сносимая течением. Вокруг неё в воде быстро росло красное облако.

Борг продолжал быстро двигаться к пологому берегу. Его квад-медик уже стоял на песке в одних трусах, но с автоматом наизготовку.

Справа и слева из зарослей водорослей и коряг, под водой к мёртвому зверю рванули стремительные тени. Ни один из зверей больше внимания на Борга не обращал и он беспрепятственно вышел из воды, держа над головой раскрытую ладонь. Повинуясь этому знаку, никто из «долговцев» не стрелял. Не меньше десятка зверей рвали своего соплеменника в воде, утаскивая на дно куски мяса, почти мгновенно пожирая их там, и тут же возвращаясь обратно. Несколько секунд Борг наблюдал за этим пиршеством, а потом опустил ладонь.

Там, где проворные зубастые звери постоянно показывались из-под воды в пылу борьбы за добычу, вода вскипела от лавины огня. Большинство любителей полакомиться свежим мясом превратились в окровавленные лохмотья, мгновенно перемешавшиеся с останками первого зверя. Несколько зверей уцелело: толща воды спасла их от пуль. От красно-серого месива из крови, мяса и шерсти вдоль дна заскользили тёмные тени.

Борг и его квад-медик отошли подальше от воды — в ручей полетели гранаты. Несколько взрывов, поднявших водяные горбы и взбаламутивших все русло, добили, по всей видимости, остатки стаи. Течением быстро унесло трупы зверей, грязь, поднятую со дна и сорванные с места водоросли. Там, где раньше под водой колыхались длинные тёмные жгуты водяных растений, теперь отчётливо виднелись норы.

— Зачистить тут все, — приказал Борг, когда весь отряд оказался на пологом берегу.

И пока его люди забивали в норы удлинённые заряды в резиновых трубках, прошёл по берегу и поднял за хвост чудом уцелевшую тушку хищника.

— Думаю, раньше это было ондатрой, — сказал он сам себе, задумчиво разглядывая тело, напоминавшее одновременно крысу и худого бобра. — Странно, что мы раньше их никогда не встречали.

Глава 6

Что можно считать самым странным при плотном знакомстве с Зоной? Аномалии, мутанты? Нет, ко всему этому быстро привыкаешь. Привыкаешь к постоянной вибрации или писку датчика аномалий, привыкаешь к ощущениям в ладони, выставленной в сторону ловушки, привыкаешь всегда быть начеку и держать автомат под рукой с патроном в стволе и со снятым предохранителем. Если бы дело было только в этом, к этому привыкли бы все и никто об этом даже не задумался.

Но Зона хранит в себе куда больше загадок, чем аномалии и мутанты. Уже много лет никто не может понять, почему так часто самые разные пути в Зоне сходятся в определённых точках. Сталкерский люд зовёт их «узлами». Вроде идёшь совсем в другую сторону и вдруг понимаешь, что последний обход крупной аномалии привёл тебя в такое место, откуда удобнее всего выйти именно к узлу. Можно плюнуть на целесообразность и пойти «напролом», но тогда каждый шаг будет даваться все с большим и большим трудом.

А ещё, помимо узловых точек пространства, существуют и узловые точки времени. Многие не верят в их существование, но уж я-то знаю: если во время ходьбы всевозможные неожиданности тормозят тебя на пути к цели, можешь не сомневаться: в ближайшей узловой точке обязательно встретишься с кем-нибудь.

Оба этих эффекта — узлов пространства и времени — порождают невероятное количество баек о, якобы, разумности Зоны. Но лично я в такой разум не верю.

На четвёртый день пути Палёного готовы были убить все двадцать человек, отправившиеся под командой Хука за сокровищами озёрного сталкера. Да и сам Хук время от времени начинал оглаживать рукой любимый пистолет в кобуре на груди, глядя, как несуразная фигура в ярком камуфляже еле-еле тащится впереди длинной цепочки людей. Вот эта неторопливость и полный ненависти взгляд в ответ на требование двигаться побыстрее раздражали даже самых спокойных парней Хука.

Несмотря на обещание вернуть чемодан с деньгами и отпустить на все четыре стороны по окончании операции, идти снова в Зону Палёный отказался наотрез. Пришлось колоть его транквилизаторами и тащить через Периметр на себе. А как очухался — предложили свободу выбора. Вот отряд — он идёт к озеру и обратно. А вот пистолет с одним патроном. Можешь к озеру не ходить, а взять и прямо здесь застрелиться. Или попробовать выбраться к Периметру без детектора аномалий и оружия. Выбор дался Палёному легко, но ощущения свободы от этого выбора, видимо, к проводнику не пришло.

И без того выглядевший несчастным, Палёный, казалось, ещё больше скукожился, окончательно замкнулся и реагировал лишь на пинок, заменявший ему по утрам и команду «подъём», и утреннюю гимнастику. Глядя на его бледное, постоянное искажённое то ли страхом, то ли какими-то своими переживаниями лицо, Хук всякий раз непроизвольно трогал обрег, висящий под курткой на шнурке. Уважая деньги и всячески стремясь их приобрести, Хук больше смерти боялся попасть в зависимость от банкнот и монет, а Палёный стал для него наглядным примером того, во что может превратиться неосторожный скряга.

Историю молодого парня, чуть не сгинувшего по собственной глупости в Зоне и спасённого стариком, постоянно живущим на озере, хорошо знали не только в бригаде Карася. Сталкеры из клана «Свобода», составившие костяк отряда Хука, не скрывали брезгливости при виде человека, продавшего за деньги своего благодетеля. И тот факт, что именно благодаря

Палёному они получили шанс быстро разбогатеть, забрав артефакты, добытые озёрным сталкером, никак не менял их отношения к предателю. Но желание пустить пулю в лоб бледной глисте, напавшей самоубийственно яркий камуфляж, копилось у людей вовсе не из-за этого. С первого дня на отряд Хука посыпались всевозможные мелкие неприятности. И все — из-за Палёного.

Зона встретила отряд дождём.

— Дурной знак, — многозначительным голосом сказал Ганс на первом же привале, как и Хук, пряча огонёк сигареты от противной водяной пыли в широком рукаве своего плаща.

Многие сталкеры и впрямь считали дождь в начале ходки дурным знаком.

— Только до озера, — твёрдо ответил Хук на невысказанный вопрос. — Сам знаешь, можем заплутать, если по его каракулям идти.

Ганс знал. Именно его поисковая группа нашла одного из людей Карася, ходившего в команде Киргиза к озеру по схеме Палёного. Спасти раненого и полностью истощённого человека не удалось — уже сам факт, что он смог говорить, показался чудом. Но получив основательную дозу обезболивающего, человек рассказал достаточно, чтобы понять: вольным бродягам просто не повезло. Сперва заблудились и забрели не туда, куда следовало. Потом столкнулись с огромной стаей снорков. А возле озера — так случилось — пересеклась их тропинка с отмороженными на всю голову убийцами из клана «Долг». У тупых фанатиков свои причины для ненависти, понять которые нормальному человеку просто невозможно: столкнувшись с вольными бродягами, они устроили настоящую бойню. Добивал же команду Киргиза отряд военсталов майора Кратчина. Уж и подавно неясно за что.

Любому понимающему сталкеру было ясно, что Киргиз пренебрёг всеми дурными приметами, которые Зона совала ему всю дорогу буквально под нос. Но что возмёшь с дурного мародёра? Не лез бы, где ума не хватает бродить — глядишь, до сих пор бы шакалил себе вдоль Периметра.

К вечеру того же дня, дорогу отряду преградил ручей. Палёный тут же уселся на его берегу и заявил, что дальше не пойдёт. По его словам выходило, что не было этого ручья, когда он тут ходил в последний раз. Правда, разложив схему, которую Палёный продал Карасю за чемодан с деньгами, Хук немедленно нашёл искомый ручей. После чего поднёс бумагу к глазам Палёного, подождал, пока тот пожмёт плечами, и пробил обманщику с правой. Не сильно бил, просто «попугать», но Палёный свалился как мешок и откачать его смогли лишь ближе к ночи.

На следующий день Палёный всеми силами старался показать, что дурные приметы так и преследуют отряд Хука. Он подолгу обходил самые скромные по размерам аномалии, заявлял, что видел вдали слепых псов, клялся в отсутствии нужных ориентиров, но всякий раз короткая проверка вскрывала очередной обман, и вскоре на слова Палёного просто перестали обращать внимание.

Поэтому короткое, но бурное ночное наводнение стало для всех холодным душем как в прямом, так и в переносном смысле. И вроде бы никто от этого сильно не пострадал — подумаешь, прокатился ночью по лагерю небольшой водяной вал, потушив костёр и напугав часовых. Даже палатки не смыл. Но короткая паника со стрельбой, когда люди, очнувшись в ледяной воде, пытались понять, что происходит, подействовала на весь отряд угнетающе. Палёный же только злорадно скалился и тогда в первый раз Хук испытал острое желание пристрелить проводника.

Утром Хук объяснил мрачным и замёрзшим сталкерам, что дождь, очевидно, заполнил где-то большую впадину, оставшуюся после аномалии, а потом стенку ямы подмыло и вода вырвалась порезвиться на простор ночного леса.

— В задницу твои теории, — жёлчно сказал вожак людей Карася по прозвищу Коготь. — Надо решать.

— Решать что? — жёстко спросил Хук, мгновенно отрубая Когтю все пути к отступлению. Любимым недомолвкам лидер «свободников» предпочитал выяснение отношений до конца.

— Не прёт нам, — слегка смутившись сказал Коготь, и потёр огромной ручищей толстую красную шею. — Приметы плохие.

— Коготь, — властно ответил Хук. — Ты какой раз в настоящей Зоне, что моим парням про приметы толковать начинаешь? Твоя задача — помогать мне управлять людьми Карася. А за приметы — пускай настоящие сталкеры думают.

— Обидно говоришь, — недовольно сказал Коготь под возмущённое бормотание своих людей, сгрудившихся у него за спиной. — Мы с тобой одно дело делаем. Вместе, коли что, под пули пойдём.

— Не обижайтесь, — миролюбиво сказал Хук. — Это я сгоряча. Конечно, мы все вместе. Просто этот пёс, Палёный, во как достал.

Короткий эмоциональный жест Хука окончательно разрядил ситуацию.

— Ладно, — буркнул Коготь и хмуро посмотрел в сторону скрючившейся фигуры в ярком камуфляже. — Кто эту крысу попугаем вырядить додумался? Его ж, наверное, из космоса видно.

Про плохие приметы никто больше даже не вспоминал. Ровно до того момента, когда сразу за Палёным, шедшим впереди, земля вдруг просела и образовала длинную канаву, шириной не меньше метра. Люди в страхе подались назад: по дну канавы струились синие ветвистые змеи электрических разрядов.

Это уже действительно походило на плохую примету. Но отступать Хук не собирался, тем более, что в отличие от банды Киргиза у него большая часть команды была настоящими, битыми жизнью, сталкерами. К тому же, при вдумчивом рассмотрении вопроса оказалось, что Палёный просто не заметил одну из неопасных аномалий и неумышленно активировал её. А уж то, что рядом оказалась опасная «ловушка», сработавшая на активность своей соседки — явно было просто случайностью. О чем Хук и рассказал своим людям на внеплановом привале.

Отчётливо понимая, что большинство из присутствующих могут и сами дать не один десяток подобных объяснений, Хук сменил тактику.

— Большинство из вас не понимает толком куда и зачем мы идём, — сказал он, извлекая из своего рюкзака сложенный в несколько большой лист плотной бумаги. — Официальная версия — за какими-то артефактами, что хранит у себя один старый дурак. Пришло время открыть карты полностью. Вот, смотрите: это озеро, которое мы с Карасём называли «Подкова». Потому, что оно действительно похоже на подкову, и потому, что оно принесёт нам удачу.

На развёрнутом листе бумаги, и правда, была нарисована от руки карта изогнутого озера, отчасти напоминающего по форме подкову.

— Вот эти заштрихованные области вокруг всего озера — это сплошные аномальные поля. В них есть всего два узких прохода, найти которые очень трудно. Поэтому на том озере почти никого не бывает. И мутантов там тоже практически нет. Озёрный сталкер Крот живёт там отшельником. И уже очень давно копит редчайшие артефакты. Большинство того, что мы добудем в этой ходке, будет разделено между нами. И я закрою глаза, если кто-то что возьмёт себе дополнительно. А знаете, почему? Нас два десятка здоровых мужиков, но если наши сведения верны, мы не сможем вынести все и за три ходки! Кто не готов рискнуть ради таких богатств — может убираться немедленно. Не держу.

Слушали его в тишине. Никто не пытался возразить, но и особого восторга заметно не было, из чего Хук сделал вывод, что ему не очень то и поверили. Однако недовольства больше никто не выражал, хотя на Палёного все равно посматривали как на прокажённого.

Вечером бесцеремонный Ганс, раздобрев от сытного ужина, так и сказал Палёному:

— Последняя ходка у тебя паря — это, считай, на лбу твоём написано. Не любит Зона предателей. Как озеро увидим — лучше сразу уходи. А то долбанёт Зона по тебе, а достанется честным сталкерам.

Палёный сжался в комок и прошипел по-змеиному, словно плюнул в ответ:

— Честные сталкеры за чужим добром не ходят.

— Вот как ты заговорил, — добродушно удивился Ганс, развалившись возле костра. — Это добро теперь не чужое. Оно ничейное. Ну вот смотри: старик тебя приютил, а ты его продал. Значит, что? Сглупил старик, нельзя так было делать. Пристрелить тебя надо было, а не лечить. Значит, озёрный сталкер допустил промашку. За добрые дела, как и за недобрые, надо уметь отвечать.

Ганс демонстративно загнул палец на руке.

— Пойдём дальше. Зачем артефакты старому? Для забавы. Забивает без толку ценными вещами цистерну и ждёт, пока она потопнет. А ведь людям его запасы много пользы принести могут. Не для того Зона артефакты сталкерам даёт, чтобы собирать их да в кучу складывать. Стало быть, вторая промашечка.

Ганс загнул второй палец.

— А вот и третья. Коли мы придём, а домик все на том же месте плавает, — тогда старичок совсем ничему не учится. Это значит, что артефакты у него отберёт тот, кто первым доберётся. И правильно: дураку и богатство — обуза. А раз забрать всякий может — значит, ничейное оно.

— Киргиз тоже так думал, — зло сказал Палёный.

— Киргизу следовало выждать пару дней сразу после того, как они плутанули и на спорков навались. Встать лагерем и просто отдыхать. Считай, сама Зона им на это намекала: не торопитесь, мол, успеете на тот свет. Выждали пару дней — и все бы у них вышло иначе.

Хук, любивший иногда послушать разглагольствования товарища, крепко задумался.

А на следующий, уже четвёртый по счёту, день пути, Палёный заблудился. И его готовы были убить все двадцать человек.

Сперва Хук решил, что проводник опять пытается отлынить от дела. Однако, тщательное изучение схемы маршрута и обычной топографической карты ничего не дало. Они находились в лесу, и это был единственный ориентир для топопривязки. В итоге, большую часть дня бездарно провели в поисках хоть какого-нибудь холмика или ручейка. А когда нашли приметное дерево с белой корой, и Палёный вдруг заявил, что до озера осталось всего пару часов пути, Хук внезапно принял решение немного подождать.

Перед этим, правда, они всё-таки прошли через северо-западный «коридор» в сплошном аномальном поле, и оказались во внутренней области, уже совсем вроде бы недалёко от озера. Среди аномалий Палёный держался уверенно, хоть и шёл, не выпуская детектор из рук, гораздо медленнее обычного. Было понятно, что ходил он по этой дороге не один и не два раза. Минував опасный проход, Палёный развернул отряд к югу и вёл всех ещё около часа, объяснив, что в дальнейшем будет достаточно пройти почти по прямой, чтобы легко выйти в нужную точку озера. И сразу после этого Хук объявил суточный привал.

Глядя на своих повеселевших людей, быстро превращающих небольшую полянку на возвышенности в лагерь, Хук окончательно убедился, что принял верное решение. Днём больше, днём меньше.

Кто понял жизнь, тот не спешит.

Пересекая Периметр, майор Кратчин «превращался» в сталкера по кличке «Серый». В отличие от многих других военных сталкеров, ходки свои не считал, в грядущие милости государства не верил, но службу нёс исправно, и знал, что однажды ему повезёт. И дождался.

Около полутора месяцев назад, люди, которых он искал в Зоне по приказу начальства, возвращаться обратно, в нормальный мир, отказались наотрез. Штык, Буль и Хомяк майору Кратчину не доверяли. И военный сталкер Серый уже всерьёз задумался о применении силы. Но вмешался Крот. Редчайший желеобразный артефакт в специальном контейнере, который и сам по себе стоил как хороший автомобиль, сменил хозяина. Узнав, какую сумму можно выручить за артефакт, Серый решил, что этого хватит, чтобы щедро наградить свою команду, а потом спокойно покинуть военную службу. Но Зона посчитала, что военстал Серый не достоин пока пенсионного житья-бытия. И подсунула ему Толика.

Толик был одним из лидеров банды, что пришла пограбить Крота да случайно попала «под горячую руку» усиленному кваду «Долга». Остатки банды военсталы добили без особого труда. И захватили на свою беду пленного. Пленный оказался не дурак и предложил Серому сделку: ещё один дорогуший артефакт в схроне недалёко от Периметра взамен на свободу. Жизнь, казалось, так приласкала прилежного военстала, что захотелось встать на одно колено и поцеловать гипотетическое знамя судьбы. Правда, судьба, как оказалось, просто проверяла Серого на жадность.

Потом была короткая дорога к границе Зоны. Контейнер с дорогим артефактом Серый нёс лично. Хоть Крот и активировал сложный электронный замок, открыть который можно было лишь специальным электрически активным ключом, Серый помнил старую сталкерскую мудрость, гласящую, что Зона в первую очередь заботится о предусмотрительных.

К схрону команду Серого Толик привёл без приключений. Да только на месте вместо обещанного артефакта обнаружилась засада, в считанные секунды уничтожившая две трети людей Серого. Сам Серый, к тому моменту уже почти привыкший себя считать военным пенсионером Кратчинным, сумел уйти, проложив себе дорогу с помощью ножа и пистолета. Он, да ещё несколько выживших военсталов закрылись в старом сарае, недалёко от схрона бандитов. Сарай был засыпан со всех сторон землёй, но для настоящего оборонительного боя подходил слабо.

Но бандиты, вместо того, чтобы подойти и забросать недобитого противника гранатами, полезли смотреть, что за трофей хранится в таком дорогушем контейнере. Как правильно открывать контейнер, Крот Серому даже не пытался объяснять, заявив, что с этой процедурой прекрасно справятся специалисты в момент сделки. Но под страхом немедленного уничтожения запретил пытаться открыть серый ящик самостоятельно. Грабители этого не знали, поэтому Серый сполна удовлетворил своё чувство мести, слушая страшные крики, раздавшиеся вдруг в какой-то сотне метров от сарая. Мародёры погибли не сразу. Несколько минут они метались по лесу, пытаясь укрыться от обжигающего света, распространяющегося из контейнера. Толик даже успел добежать до сарая с военсталами и секунд двадцать жалобно скулил под дверями, пока не затих.

Через пару часов Серый рискнул открыть дверь и со смешанными чувствами злорадства и отвращения осмотрел куски варёного человеческого мяса и обнажившиеся кости. То, что осталось от бандитов возле самого контейнера, можно было бы легко унести даже в одной каске. Правда, дорогушего артефакта у Серого больше не было, а за Периметром его далеко не самым радушным образом встретил генерал Иволгин, посчитавший, что майор Кратчин не выполнил приказ.

Теперь Серый снова шёл по Зоне, чтобы выполнить этот приказ. Он не знал, как уговорить Штыка вернуться. Во время последней встречи строптивый капитан был настроен крайне враждебно. Плюс к этому, как ни крути, Серый получил в качестве отступного очень дорогую вещь. Единственное, что приходило теперь в голову, это похищение Штыка. Каковое таило в

себе столько непредсказуемых случайностей, что думать о нем всерьёз Серый собирался уже на месте.

«Коридор» в полях аномалий вокруг озера найти сразу не удалось. И места вроде бы казались знакомыми, и новые детекторы аномалий работали значительно лучше стандартных, но сколько не ходили военные сталкеры вдоль невидимой глазу границы, обнаружить безопасный проход к озеру так и не могли. В бесплодных поисках прошло несколько часов. Серый дал своим людям час на отдых и обед, после чего вытащил карту, отобранную в прошлой ходке у бандитов, и глубоко задумался.

Недавний Выброс запросто мог закрыть проход свежими аномалиями, хотя обычно участки, свободные от ловушек после двух-трёх Выбросов, аномалиями не «заселялись» вообще. Что, понятное дело, ничего не гарантировало. На карте, помимо южного «коридора», виднелся проход с северо-западного направления, причём идти до него было относительно недалёко — уже к вечеру можно было достичь точки входа. Но идти туда, почему-то, решительным образом не хотелось. И абсолютно прагматичный, неверующий ни в черта, ни в ангела майор Кратчин уступил сталкеру Серому, который за длинную карьеру военстала приучился, находясь в Зоне, доверять даже малейшим предчувствиям. Команда военных сталкеров осталась на прежнем месте, продолжив поиски южного «коридора».

Ситуация же решилась сама собой, когда ближе к вечеру, во время очередного отдыха, заместитель Серого Стерх, почти бессменно ходивший с ним в Зону уже около двух лет, извлёк из своего рюкзака тактический шлем с полупрозрачным забралом, и водрузил себе на голову. Шлем автоматически включился, мягко подсветив изнутри лицевой щиток.

— Может, потом в игрушки поиграешь? — недовольно спросил Серый.

— Классно! — невпопад отозвался Стерх. — Вот это картиночка! Не ворчи, командир, у меня, согласно твоему приказу, ещё четыре минуты свободного времени.

— Четыре минуты, — сухо сказал Серый, демонстративно глядя на часы.

Стерх ещё немного покрутил головой, потом поднялся и медленно двинулся в сторону границы аномального поля.

— Ты поосторожнее там, — сказал ему в спину Серый. — Не видишь ведь ничего в своей каске.

— Вижу гораздо больше, чем ты, — отозвался Стерх. — Например, вижу этот долбанный проход, который мы уже полдня ищем.

— Да ладно, — с недоверием сказал Серый, поднимаясь, тем не менее, на ноги.

— Вот за этим холмиком, чистый «коридор» на пятьдесят три фута в ту сторону, — Стерх махнул рукой, указывая направление. — Пятьдесят три фута — это сколько по нашему?

— Метров шестнадцать. Только под холмиком — «плешь», — напомнил Серый.

— Вижу, — сказал Стерх. — Не надо через «плешку» лезть. Надо пройти вдоль неё, потом вдоль «электры», потом вон туда... Так вот же он, вход! Вот! Просто идти надо не вглубь самого поля, а сперва вдоль границы. Вот смотри, я пройду сейчас.

Стерх осторожно вошёл в промежуток между двумя аномалиями, но не стал идти дальше, чтобы не упереться в третью, а повернул на девяносто градусов и спокойно зашагал позади первой линии ловушек.

— Вот, блин, — хлопнул себя ладонью по лбу Серый. — И правда, мы же здесь такими зигзагом и ходили. Собираемся! Выходим через пять минут! Стерх, пройди немного подальше! Фляга, возьми мешок Стерха.

Четверть часа спустя, команда военсталов стояла по другую сторону ещё недавно, казалось, непреодолимой преграды. Первые сумерки уже начали скрадывать мельчайшие детали пейзажа, но даже невооружённым глазом было заметно, что поле сплошных аномалий осталось позади. В том лесу, что лежал теперь между ними и озером, аномалии тоже встречались, как и везде за Периметром, но всё-таки пройти с детектором в руках здесь было можно.

— Дальше не пойдём, — сказал Серый Стерху, уже убравшему шлем в свой мешок. — Как раз переночевать здесь будет удобнее. А вот утром двинем прямо к цели.

Ночь прошла спокойно. Аномальное поле жило своей жизнью, оглашая окрестности случайными хлопками, коротким гудением или неожиданным треском электрических разрядов. Но опытным военсталам спать это не мешало.

Утром спокойно позавтракали и проложили кратчайший маршрут до берега по карте. Прохладный осенний воздух приятно бодрил. Пахло озоном и жжёным деревом.

Два человека с детекторами аномалий возглавили колонну, и следующий час команда двигалась вперёд без единого происшествия.

Озеро открылось враз. Вроде бы только что впереди сплошной стеной стоял недобрый лес, топырились во все стороны сухие изломы корявых рук-ветвей, словно примеривающихся, как уничтожить незваных гостей, и вдруг впереди кто-то дёрнул за ручку и распахнул во всю ширь огромное окно. Темно-серая гладь воды под светло-серой пеленой низкого неба, непривычный для Зоны простор, громадина горы и цепочка низких облаков выглядели точно так же, как когда Серый впервые увидел это озеро.

Правда, тогда его команда подошла к обширной водяной дуге с запада, оказавшись почти сразу максимально близко от плавучего дома. В этот раз группа вышла к озеру с юга, поэтому прямо от кромки леса далеко справа было прекрасно видно устье широкого ручья, впадающего в «рукав» озера, частично огибающего гору, естественный, но абсолютно аномальный фонтан, бьющий с поверхности воды слева, и тёмную точку вдалеке — плавучий дом Крота.

Сразу выходить к берегу Серый не разрешил. Отправив двоих человек на разведку прилегающей местности, остальным приказал ставить временный лагерь. Следовало осмотреться как следует и выработать план. Наиболее оптимальным вариантом было установить наблюдение за домом и выяснить, каким маршрутом его обитатели плавают к берегу. Что может сделать подводная аномалия с лодкой, Серый имел возможность оценить ещё в прошлый раз.

— Бери свою игрушку, — сказал он Стерху, — и пойдём разведем бережок. Заодно, может, и на водичку посмотрим. Далеко эта твоя каска берёт?

— Серый, ну что ты такой замшелый, — с чувством лёгкого превосходства ответил коренастый светловолосый крепыш Стерх. — Шлем — это просто экран. Как телевизор. Работают обычные датчики обнаружения, но передаются они не на пищалку, а обрабатываются процессором, запоминаются и учитываются для построения картинки. Понимаешь? Все силы, с векторами и градиентами...

— А если без лишней болтовни? — Серый, не поворачиваясь в сторону Стерха, отстёгивал лишнюю амуницию, потом вытащил из пластикового чехла бинокль.

— Смотришь через щиток шлема и видишь, как аномалия стоит и куда дышит. И чем больше смотришь — тем подробнее видишь. С пищалкой ты идёшь практически на ощупь, тычешься как слепой щенок, а шлем показывает аномалию целиком, включая границу, которую заступать нельзя. И ведь ничего сложного нет: процессор с батареей да светодиодный проектор. Чего у нас до сих пор такой электроники нет?

— Дорогой, видимо, экран, — Серый всем своим видом давал понять, что вопрос оснащения шлемами его не интересует, но Стерх делал вид, что намёков не понимает.

— В том то и дело, что копеечное все! Щиток только и умеет, что регулировать прозрачность. Смотришь сквозь него, как обычно. А проектор просто добавляет изображение аномалий, проецируя их перед глазами. Учитывая положение головы, конечно.

— Ну пойдём, посмотрим, что этот твой шлем может, — Серый показал в сторону берега биноклем. — Вон там осторожно выдвинемся через заросли травы. А то не хватало ещё, чтоб нас случайно заметили из дома. Надевай свой шлем и топай вперёд. Вокруг вон того куста, а там посмотрим.

— Может поближе к дому на воду встанем? — полуутвердительно спросил Стерх, утапливая на боковой поверхности шлема кнопку включения и поправляя провода, ведущие к паре датчиков, закреплённых на спине.

— Нельзя ближе, — Серый подкрутил окуляры бинокля. — Пока ты вместо прошлой ходки в госпитале расслаблялся, я эти места неплохо изучил. Крот свой дом на воду специально так поставил, чтобы от близкого берега его отделяло как можно больше ловушек. Сам он прекрасно знает, как плыть над плотным подводным скоплением. А остальные либо потратят куда больше времени, либо пойдут на корм местным рыбам.

— Тут и рыба есть? — удивился Стерх, опуская шлем на голову. — Сразу варёная, наверное?

— Есть, сам видел, — ответил Серый. — Ну, что там твой шлем показывает?

— погоди, дай компьютеру данных накопить, — ответил Стерх, медленно поворачивая голову.

Люди позади быстро ставили две низкие палатки, тянули тончайшие провода сигнальной сети, обвешивали верёвкой с разноцветными тряпочками границы двух аномалий, оказавшихся поблизости. В своей группе Серый всегда поддерживал порядок, предписанный инструкциями, дополняющими устав.

Влажный свежий ветер с озера раздул плащ-накидку Серого, делая его похожим на большую взлетающую птицу.

— Готово, — сказал Стерх. — Все вижу, просто класс! Только надписи на английском, но и без надписей все понятно. Вон там, где травы нет и земля вспучена холмом, — «трамплин». А вон там воздушная аномалия. Только не пойму какая. Ого! У «трамплина» ударный вектор меняет направление! Ух ты, даже глубину залегания ядра аномалии рассчитывает! Четыре фута — это сколько?

— В детстве не наигрался? — спросил Серый саркастически. — К озеру поворачивай. Если подводные аномалии также хорошо видно будет, задача резко упростится. Будем тогда считать, что пригодилась игрушка.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Стерх, направляясь к воде. — Вот, уже вижу, хотя до аномалии ещё далеко. Глубоко под водой стоит «плешь». Вон там. Метров тридцать от берега.

Серый поднял бинокль к глазам. Ничего особенного в указанном направлении не наблюдалось.

— Уверен? — спросил он с сомнением. — Никаких следов не вижу.

— А я вижу, — гордо сказал Стерх. — Присмотрись: над этим местом волна меньше становится.

— Ладно, давай ближе к воде подойдём.

Тихо завибрировала рация, пристёгнутая к разгрузочному жилету. Серый нажал тангенту, подтверждая вызов.

— Товарищ майор, лодки надувать? — До говорившего было не больше пятидесяти метров, но слышимость уже оказалась просто отвратительной: искажённый помехами, голос звучал плохо.

— Надувайте, — сказал Серый. — Только смотрите, чтоб тихо там. Если сильно повезёт, к вечеру все закончим уже. Поэтому давайте аккуратнее с мелочами.

Стерх успел пройти вперёд с десяток шагов и остановился, медленно поворачивая головой.

— Это превосходит все ожидания, — сказал он наконец. — Серый! Я настолько хорошо все вижу, что можно будет как в городском пруду плавать. Каждая аномалия видна во всех деталях.

— Да ладно, — усомнился Серый подходя сзади. — А ну, дай посмотреть.

Стерх с видимым сожалением снял шлем и передал командиру. Серый осторожно водрузил «техническое чудо» на голову, внимательно осмотрел поверхность озера, и опустил прозрачное забрало. Пару секунд не происходило ровным счётом ничего. Водная поверхность, вся в барашках небольших волн, гора на другом берегу, далёкая точка плавучего дома, а ближе — трава, кусты, песок прибрежной полосы... И вдруг, прямо в центре щитка, появился крохотный зелёный треугольник, направленный остриём вниз.

— Появился маркёр целеуказателя, — прокомментировал вслух Серый.

— Не торопись, сейчас и все остальное появится. Похоже, компьютер в шлеме учитывает личные параметры, подстраивается, так сказать.

— Товарищ майор, — сказала рация. — А движители и джойстик управления монтировать?

— Ну что вы как дети малые? — раздражённо сказал Стерх, прижимая тангенту командирской рации. — Готовьте все по полной программе.

Перед глазами Серого, тем временем, картинка, накладываемая на внутреннюю поверхность щитка, усложнилась и окрасилась в несколько цветов. Не надо было знать английский, чтобы понять: маркёр целеуказателя позволяет оценить дальность до объекта и его высоту относительно точки стояния наблюдателя. Достаточно просто совместить его с интересующей целью. Полукруглые шкалы с градусной разбивкой, очевидно, обеспечивали ориентацию по сторонам света. Правда, в данный момент, согласно показаниям прибора, север находился сразу в двух направлениях.

Но главное, конечно, заключалось не в этом. Через несколько секунд после появления маркёра, прямо под ним, начали всплывать полупрозрачные красные и синие фигуры, построенные из сетчатых плоскостей. Большинство фигур имело вид округлых холмиков, некоторые были «украшены» острыми пиками. Присмотревшись, Серый понял, что несмотря на обилие видимых теперь аномалий, большинство из них находится под землёй и верхней своей границей даже не дотягиваются до поверхности.

Подняв голову, Серый смог убедиться, что если Стерх и преувеличивал, то совсем немного. Аномалии на воде действительно виднелись достаточно отчётливо, чтобы легко обойти их даже на вёслах. Водомёты и джойстик управления обещали сделать заплыв до жилища Крота предельно простым.

— А сознайся, — сказал Серый с лёгкой улыбкой, — ты ведь не оценил главное преимущество этого шлема.

Стерх вопросительно посмотрел на командира.

— Теперь мы можем плыть и ночью, — сказал Серый. — И нам все равно, что в это время часть аномалий более активны. Более того, раз эта штука такая продуманная, значит в ней наверняка есть возможность запомнить цель и подсвечивать её на экране ночью.

— Шаришь, командир, — с уважением сказал Стерх. — Давай попробуем разобраться.

— Инициатива — сам знаешь, — усмехнулся Серый. — Наказуема.

— Да я с радостью, — в голове у Стерха звучало столько энтузиазма, что Серый покачал головой:

— Только не впадай в детство и не думай, что нашёл лекарство от всех болезней. Если бы все было так просто, самый последний сталкер в Зону только с такой бы штуковиной и ходил. Но думаю, бесполезна она в большинстве случаев.

— Это почему? — удивился, и, кажется, даже слегка обиделся за шлем Стерх.

— Да потому, что ему время на обработку надо. Потом картинку надо изучить глазами и осмыслить. Принять решение. Сам понимаешь: зачастую надо задницей опасность чувствовать и начинать действовать быстрее, чем беда до тебя доберётся. А шлем даёт ложное ощущение безопасности и покажет тебе серьёзную проблему только тогда, когда ты её уже и так ощутишь. Но для неспешных вылазок — самое то. Так что, осваивай.

Серый насмешливо постучал указательным пальцем по налобной части шлема и картинка вдруг скакнула ему навстречу. От неожиданности Серый даже сделал шаг назад, а Стерх испуганно сказал:

— Эй, командир, ты чего сделал? Поверхность щитка затемнилась.

— Теперь ты не поверишь, — удивлённо сказал Серый. — У этой штуки встроенный оптико-цифровой бинокль, или подзорная труба — как хочешь называй. Я прямо на экране вижу довольно близко деревья на том берегу. Вот это полезная штукавина. Хотя бинокль, пожалуй, почетче картинку даёт, но тут со всеми удобствами... Постой-ка!

Серый взгляделся в ту сторону, где на воде виднелась тёмная точка плавучего дома.

— Чего там? — насторожился Стерх и повёл биноклем в ту же сторону.

— Лодка! Лодка, «плешь» меня заberi! А в ней... Я просто не верю глазам, — в сильнейшем возбуждении сказал Серый, снимая шлем. — Дай бинокль!

Он долго смотрел в сторону озера, а когда оторвался от бинокля и посмотрел на своего заместителя, глаза его сияли торжеством:

— Если веришь, что Зона разумна, можешь смело записывать нас в её любимцы. Почти прямо к нам плывёт тот, за кем мы собирались охотиться этой ночью.

— Неужели капитан Сенников? — удивился Стерх.

— Можешь не сомневаться. Эта рожа мне уже два месяца по ночам снится. Ненавижу этого козла. Даром, что офицер — ведёт себя, как вшивый интеллигент.

— Из-за прошлой ходки злишься? — понимающе спросил Стерх. — Знаешь ведь, что нельзя так.

— Если бы не его идиотская уверенность, что мы расстреляли просто немножко больных людей, если бы не дебильная упертость, с которой он тащил генералов по Зоне... Все пошло бы иначе, и все наши с прошлой ходки вернулись бы назад живыми.

— Да брось, Серый. Это ж Зона, мы все сюда идём, зная, что, может, в последний раз.

— Да при чем здесь... Ладно, проехали. Собирай парней, отзывай разведку. Пусть сворачивают лагерь. Лодки оставляем здесь — нечего лишний груз на себе таскать. Лишнее продовольствие, боепитание — в схрон. Может потом пригодиться. Себе оставить все по минимуму: пойдём быстро, чтоб никакой погоне за нами не угнаться было. В группе захвата идём мы с тобой, да ещё пару человек возьми. Больше не понадобится: там кроме него только один из генералов-дисаров. А про генералов мне специального приказа в этот раз не было — так что обойдёмся только капитаном.

— Бегу! — радостно сказал Стерх и быстро зашагал в ту сторону, где исполнительные военсталы заканчивали надувать вторую лодку.

— Эх, синяя рябина да красная сосна. Так повезло, что аж страшно, — сказал сам себе Серый, по старой привычке прикусывая костяшку большого пальца. — Но что теперь? Не отказываться же от подарка.

И аккуратно примостившись за кустом, поднял к глазам бинокль.

Несмотря на тот факт, что маршрут Крот знал как свои пять пальцев, а всевозможные аномалии сохраняли вблизи от озера стабильное положение месяцами, с Булем все равно идти выходило гораздо быстрее. Уже привыкнув к мысли, что в его распоряжении есть настоящий дисар, Крот продолжал удивляться тому, как быстро теперь он может добираться в самые отдалённые окрестности озера. Получив кроме сверхчувствительности к аномалиям ещё и знания, Буль так легко шёл по заполненной «ловушками» местности, словно ходил здесь ежедневно да ещё и не по одному разу.

К сожалению, Буль при этом сильно уставал, поэтому добравшись до удобного места под временную стоянку, Крот оставил дисара заниматься обустройством лагеря, а сам в нетерпении отправился к тому месту, где две большие «электры», разместившись на небольшом расстоянии друг от друга, имея к тому же немалый потенциал для роста, должны были встретиться со дня на день в центре большой поляны, куда их постепенно «стягивала» старая «плешка». Редчайшее событие пропустить было нельзя, поэтому и решился Крот оставить Хомяка со Штыком одних. Благо, за прошедшие недели все уже достаточно пообвыклись, чтобы спокойно прожить несколько дней без контроля со стороны озёрного сталкера.

Оставшись один, Буль первым делом перекусил, потом немного полежал под растянутым тентом, и, наконец, почувствовав, что силы к нему вернулись, отправился за хворостом для костра. В лесу, где аномалий было больше, чем грибов, с готовой для костра древесиной проблем не было. Но, обученный Кротом, Буль искал теперь толстые сухие ветки определённого вида, оказавшиеся вблизи от «жарки», но не сгоревшие в её огне. Именно такая древесина давала практически бездымный огонь. И поскольку на этом месте Крот останавливался не в первый раз, за такой древесиной от стоянки пришлось отходить на добрую сотню шагов. По счастью, Буль не опасался заблудиться и уж тем более не боялся бродить между аномалий. Автомат за спиной придавал уверенности на случай встречи со случайным зверем.

Не спеша двигаясь по расширяющейся спирали, Буль собрал достаточно толстых сухих веток, и уже собирался возвращаться к вещам, как вдруг услышал человеческие голоса. Своих здесь не могло быть, по определению. Поэтому, постояв, прислушиваясь, пару минут в недоумении, Буль двинулся в ту сторону, где несколько человек, не стесняясь громких голосов, вели ожесточённый спор.

— Я что, сямка ему какая-то? — доносилось из-за трёх сросшихся вершинами ёлок. — Ну скажи, Коготь, я что — так и должен это терпеть? У Карася куда больше авторитета, чем у этого долбанного фримена, и то он так со мной не говорит никогда.

— Хук среди «свободников» тоже человек уважаемый, — успокаивающе отвечал Коготь. — Погоди, недолго потерпеть осталось.

— Ты так резко выступаешь, — подключился третий, — потому что до лагеря далеко и здесь никто нас услышать не может. А «свободники» — ребята серьёзные. Здесь себя как дома чувствуют. И что ты им собрался в открытую противопоставить?

— Да что мне «свободники»? — обозлился первый. — Да я весь этот клан...

— Тихо, успеешь ещё, — оборвал его Коготь, судя по звуку, добавив к уверенным словам увесистый хлопок по спине. — У Карася все продумано до мелочей. Как всю работу Хук со своими фрименами выполнит, так и наступит наша очередь со всеми обидами разобраться. Если не будешь горячку пороть, обещаю: Хук — твой.

— Ты так и не сказал, как мы весь этот груз выносить отсюда будем? И кто нас выведет, если «фримены» в расход пойдут? Или одного оставим?

— Скажу. Только больше никому ни звука. Когда к озеру выйдем, Хук попытается Палёного в клан покойничков определить. Мы Палёного спасём, и когда придёт время с фрименами посчитаться, Палёного тоже не тронем. Перенесём с Палёным груз подальше от озера, в несколько заходов. Сделаем схрон. И домой. А уж выносить за Периметр кто-нибудь другой будет. За работу получим в пять раз больше против обещанного.

— Ого! — повеселел третий. — Вот это дело!

— Ты обещал, Хук — мой! — заметно оживился первый. — А с Палёным потом что?

— Да на кой ляд эта гнида потом нужна будет? — удивился Коготь. — Перо в печень да головой в «плешь».

Буль не понимал из разговора ни слова, но общий угрожающий тон собеседников не оставлял никаких сомнений в том, что к озеру вновь пожаловали незваные гости. И намерения у этих гостей вряд ли были добрыми. Стрелять по неизвестному и всего лишь вероятному про-

тивнику было бессмысленно, поэтому Буль осторожно повернулся, чтобы тихо уйти. И обнаружил, что прямо к нему направляется незнакомец в длинном сером плаще, грязных сапогах и засаленной кепке. Главной же деталью в костюме небритого мужчины являлся, несомненно, автомат, ствол которого смотрел Булю в живот. До незнакомца было шагов двадцать, но Буль буквально спиной ощутил, что бежать бесполезно: на такой дистанции стрелок чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не подавая никаких команд просто идти, угрожая оружием.

Но бегство Буль не считал единственно возможным вариантом поведения, поэтому, когда до небритого незнакомца оставалось шагов десять, он грозно нахмурил кустистые брови и рявкнул, как на плацу:

— А ну стоять! Кто такой? Куда прёшь по охраняемой территории?

Незнакомец явно опешил и остановился в нерешительности. Голоса за ёлками смолкли, и через несколько секунд три человека с автоматами наперевес присоединились к хозяину плаща.

— Так, все четверо, шагом марш отсюда! — скомандовал Буль. — А то с караульным взводом дело иметь будете! Даю тридцать секунд.

И резко развернувшись на месте, уверенно зашагал туда, где отчётливо ощущал редкую пульсацию «трамплина». Главное, уйти за аномалию, пока эти четверо не пришли в себя, а там...

— Погоди, Крот, не спеши, — насмешливо сказали сзади, одновременно лязгая затворной рамой. — Ты ведь Крот, верно? Никого другого здесь быть просто не может. А раз ты Крот, то у нас к тебе есть небольшое дельце. И пусть теперь Хук попробует сказать, что это не тот самый добрый знак, которого мы ждали. Вот повезло, так повезло.

Когда большой и старый «трамплин», отправляющий ежесекундно в небо не меньше тонны воды, остался позади, Штык разрешил Хомяку взять весло и немного погрести. С двумя гребцами лёгкая лодочка пошла значительно быстрее. Раны ещё немного беспокоили немолодого «рядового», но в целом оставалось только удивляться, как после двух пулевых ранений Хомяк выдержал безжалостную тряску, пока его тащили к озеру, приличную кровопотерю во время извлечения пуль и отсутствие каких бы то ни было медикаментов.

По словам Крота, главная причина такой живучести заключалась в том, что будучи дисаром, Хомяк не был обременён иррациональными страхами и переживаниями. А когда голова не «нагружает» организм «своими» проблемами, ресурс выживания у человека гораздо больше, чем это принято считать. Впрочем, несколько странного вида камней, приложенные к животу и голове раненого, чёрный смолистый порошок, высыпанный на раны, и травяное питьё, ежедневно настаиваемое Кротом, вероятно, сыграли не менее важную роль. Но сам Крот об этом говорить не захотел, заявив, что по сравнению с влиянием дисаризма, это все ерунда.

— Странное у меня появилось чувство, — внезапно сказал Хомяк, опуская весло и поворачиваясь к Штыку. — Я удивлён тому, что у нас сложилось прокатиться до горы, и очень рад этому. А ведь утром мне совершенно не хотелось никуда двигаться с места. И даже полчаса назад. А сейчас — радуюсь и удивляюсь. С чего бы это?

— Да кто вас, дисаров, разберёт, — попробовал отшутиться Штык, но уловив осуждающий блеск в глазах Хомяка, сказал уже серьёзным тоном: — Ну я-то ведь рад. Значит, моя радость отразилась во мне же и повлияла на тебя.

— А почему я удивлён, что нам удалось поплыть? — не унимался Хомяк. — Я же отчётливо понимаю, что удивляться не с чего.

— Хомяк, все, что мы объясняем моей мутацией, все равно очень приблизительно. Что именно происходит со мной, когда от меня идёт отражение эмоций и образов, пока непонятно.

Не могу я все объяснить. Радостно — радуйся, и не забивай себе голову пустыми страхами. Придёт война — повоюем, а если есть водка — будем пить, пока не опустеют бочки.

— Зачем вы про войну сказали, мой генерал? — тут же насторожился Хомяк. — А водку вы не пьёте, как мы знаем.

— Рядовой Хомяк! — Штык помнил предупреждение Крота о том, что у выздоравливающего могут быть необъяснимые капризы. — Отставить обсуждать мои предпочтения. И хватит уже в каждой ерунде видеть надвигающийся конец света. Все будет хорошо, тебе просто надо окончательно поправиться.

— Как скажете, мой генерал, — печально отозвался Хомяк и взялся за весло.

Набрав на мелководе скорость, лодка почти до половины выползла на песок пологого берега. Штык подождал, пока Хомяк окажется на суше и оттащил лодку подальше от воды. Иногда что-то происходило в озёрных глубинах, и берег накрывала одиночная волна. Оставишь лодку на воде — можешь остаться без лодки.

— Бери автомат, — бодрым голосом сказал Штык. — И сходи, осмотришься. Найдёшь зайцев — зови, постреляем из лука. А я пока тут посижу.

— Может, всё-таки вместе? — Хомяк осмотрел свой автомат и вопросительно уставился на Штыка. — А то, мало ли, какой зверь к воде придёт?

— У меня тоже есть автомат и две гранаты. Только Крот говорил, что вокруг южного рукава мутантов почти не бывает. Слишком много «трамплинов», причём многие из них «наклонные» — энергия выброса идёт над землёй, а не вверх. Зверьё это чувствует и ходить здесь боится.

— Крот также говорил, что до сих пор очень мало знает и о Зоне, и об этом озере, — парировал Хомяк. — Но я понимаю, что вы хотите побыть совсем один, поэтому...

Он посмотрел на дорогие часы в золочёном корпусе.

— Поэтому встречаемся здесь же через сорок минут. Я обойду задний склон горы до середины высоты и вернусь.

— Ты сам тоже смотри по сторонам, — сказал Штык. Все же болотную тварь мы утром, кажется, видели.

Оставшись один, Штык немного побродил вокруг места высадки, опасаясь, впрочем, отходить далеко, чтобы не вляпаться в аномалию. Потом развёл небольшой костерок и уселся на прихваченное из дома грубое шерстяное одеяло.

Гора возвышалась справа. Чтобы взобраться на её склоны, следовало пройти по участку почти нормального леса, переправиться через ручей шагов на сто выше устья, где Крот давным-давно выложил камнями искусственный брод, и миновать абсолютно безопасную поляну, необъяснимым образом не зарастающую ничем, кроме сочной ярко-зелёной травы. За последнюю неделю Крот несколько раз вывозил их в это место, утверждая, что зелёная поляна идеальна для отдыха и восстановления сил. Главное — не переборщить. В последний раз Хомяк, по совету озёрного сталкера, в одиночку пересёк ручей, отдохнул на поляне, поднялся по склону горы и вернулся обратно. И уверял, что ощущает себя отдохнувшим, как никогда.

Впереди лежала водная гладь южного рукава озера. Её можно было счесть продолжением ручья, превратившемся вдруг в полноводную реку, но величественный фонтан вдалеке напрочь уничтожал ощущение мирного спокойствия, присущего большим рекам. Дом на воде с этого места не просматривался, но зато цепочка облаков, постоянно висящих над водой недалеко от жилища Крота, просматривалась предельно отчётливо.

Слева берег зарос низкорослым кустарником, словно бы сумевшим отогнать от престижного песчаного пляжа толпу из корявых деревьев, робко теснящихся на небольшом отдалении от воды, и завистливо поглядывающих на далёкий противоположный берег, где мощные древесные стволы торчали чуть не на границе воды и суши.

Ощущение чужого присутствия появилось незаметно. Сперва Штык почувствовал лёгкое неудобство, похожее на крохотный камешек в ботинке. Но тут фонтан впереди издал устрашающее шипение, выбросил струю разогретого пара и исчез. Раньше Штык уже видел, как «трамплин» под фонтаном «отключался», но всякий раз это происходило поздно вечером. Так рано фонтан исчезал впервые. Впрочем, уже минут через пять фонтан «включился» вновь, и, немного понаблюдав за ним, Штык потерял к нему интерес. Чтобы мгновенно ощутить новый приступ неудобства.

Уже несколько не сомневаясь, что где-то рядом находятся чужие люди, он повернулся в сторону ближайших зарослей. И удивил его не сам факт появления людей в форме военных сталкеров, а майор Кратчин, выбравшийся из густого кустарника первым.

— Привет, капитан! — дружески улыбаясь, Кратчин подошёл, протягивая руку так, словно они расстались только вчера и договорились сегодня встретиться вновь. — Ну что, отдохнул? Поправил здоровье?

— Майор Кратчин, — растеряно констатировал Штык, машинально отвечая на рукопожатие.

Ещё трое военсталов непринуждённо пожали Штыку руку и, как ни в чем ни бывало, расселись вокруг костерка.

— Ну ладно, зачем нам весь этот официоз, — Кратчин широко улыбался, но глаза его смотрели холодно и цепко. — Да и не стоит в Зоне по фамилии-то. Зови меня Серым.

— Ты чего здесь делаешь, майор... Серый? — Штык все ещё не верил своим глазам. — А как же досрочная пенсия и тёплые страны? Мне Крот сказал, сколько вы тогда утащили, если в монетах считать. Очень удивил, очень.

— Не сложилось с деньгами, — неопределённо сказал Серый и взгляд его на какую-то секунду затуманился. — Ты не поверишь, но я опять к вам.

— Ну, это уже несерьёзно, — нейтральным голосом сказал Штык, осторожно кладя руку на автомат. Правда, судя по внимательным взглядам военсталов, воспользоваться оружием ему вряд ли бы дали. — Так дела не делаются. Ты деньги получил? Или военсталы пытаются теперь отобрать дурную славу у мародёров?

— Не кипятись, — успокаивающе поднял руку Серый. — Все гораздо проще и лучше, чем ты воображаешь. Мне не нужны генералы Соколенко и Решетников, о судьбе которых ты так печёшься. Я пришёл именно за тобой. Олег Павлович очень расстроился, узнав, что ты пропал где-то в Зоне. Второй месяц рвёт и мечет, посылает команду за командой, чтобы тебя найти. Думаю, все сделает, что ты только пожелаешь, чтобы загладить вину. Так что не тормози, парень, такой шанс сделать карьеру бывает в жизни только раз.

— Карьера меня не волнует. Но если Олег Павлович и правда хочет мне помочь... Нужны хорошие врачи и учёные.

— Мутация? — мгновенно сориентировался Серый. — Нет проблем! До Периметра с тобой наш врач понянькается, а потом сразу попадёшь в новейший госпиталь при нашей базе. Специально сделали для изучения проблем мутаций человека. И для лечения, конечно! Абсолютно родное, военное заведение, гражданским тебя не сдадим.

Штык в замешательстве устался в землю. Ещё сегодня утром он размышлял о том, как ему выбраться за Периметр и сдать в руки врачей, избежав очередных объяснений с Булем, Хомяком и Кротом, и вот, словно в ответ на его тайные желания, прямо возле озера появляются сталкеры, прибывшие сюда специально за этим.

— И давно вы меня пасёте? — спросил Штык, чтобы немного потянуть время и окончательно решиться на выбор дальнейшего варианта своей жизни. — Специально ждали, пока Крот уйдёт из дома надолго?

— Ничего мы не ждали, — искренне ответил Серый. — Прибыли сюда час назад. Вдруг видим — ты плывёшь. Так что неспроста это все. Такие вещи случайно в Зоне не происходят. Делай выводы.

— Я бы может и согласился, — внезапно решившись, сказал Штык. — Но мне надо своих предупредить.

— Боюсь, — сказал Серый, которому вовсе не улыбалось по-новой объясняться с Кро- том, — что у нас нет на это времени. К тому же, что ты им скажешь? Что они тебе надоели и вообще надо подлечиться? Так они будут возражать. Зачем тебе все это?

— Ну дайте хотя бы Хомяка предупредить... Он здесь, недалёко.

— А что, если генерал Решетников будет против? Мне бы не хотелось, чтобы твой това- рищ пострадал в бессмысленном выяснении отношений.

— То есть ты предлагаешь вот так просто встать и уйти? — хмуро спросил Штык.

— Поверь, это будет наилучший вариант для всех, — голосом, полным участия, ото- звался Серый, поднимаясь со своего места и делая знак остальным военстамам. — Люди посто- янно пропадают в Зоне. Это печально, но скорее правило, чем исключение. Зато когда выле- чишься и утетишь терзания совести Олега Павловича, сможешь сюда вернуться и порадовать своих друзей.

— Хоть бумаги дайте — я записку напишу, — сквозь зубы процедил Штык.

— Держи блокнот, только времени на письмо у тебя — минута. И не забудь, что если твой приятель за нами в погоню двинет, у него могут случиться осложнения со здоровьем. А руку с автомата убери. Чтобы ты не сильно устал, мы твой автомат поможем нести.

— Так это что же, — криво улыбаясь сказал Штык, — если бы я отказался, вы б меня отсюда силой повели?

— Не обижайся, капитан, — добродушно ответил Серый. — Ты сам человек военный — должен нас понять. Если я не выполню приказ генерала Иволгина, мне сделают так неприятно, что всю оставшуюся жизнь я проведу в непрерывных печалях о своей нелёгкой судьбе. У тебя каприз, а у меня вся будущая жизнь на карту поставлена. Плюс жизни тех парней, которых Иволгин будет и дальше гнать в Зону, чтобы тебя отыскать.

— Лук и автомат не трожь, — угрюмо сказал Штык Брону. — Здесь они людям ещё пригодятся. А мне, как понимаю, в дороге не понадобятся. Раз вы специально за мной через всю Зону припёрлись, значит, защитите уж как-нибудь.

— Вот и отлично! — обрадовался Серый. — Выступаем немедленно. Так что первую ночёвку сможем провести уже на Чёрной Яме.

— У меня минута на письмо, — напомнил ему Штык.

На обдумывание записки ушло всего несколько секунд. Вытащив из специального зажима маленький карандаш, Штык быстро написал несколько слов, вырвал листок из блок- нота и придавил его автоматом. Ветер, внезапно задувший с озера, принялся трепать уголок записки, словно Зона решила помахать вслед уходящему человеку белым платком.

И как ни было Штыку грустно в этот момент, в голове неотступно крутилась мысль о том, что в чем-то ему внезапно и очень сильно повезло.

Глава 7

С тех пор, как «ментальное зеркало» внутри Штыка буквально вытаскило меня с того света, я успел передумать многое. И как ни горько это было признавать, пришёл к выводу, что в своей нелепой смерти виноват сам. Мир, что окружал меня в тот момент, только реагировал на мои действия.

Если бы я не бросил разведчика-Мякиша на произвол судьбы посреди Поля Чудес, ссылаясь на свои личные проблемы, если бы не обещал запереть бандита-Филина до конца жизни в лечебнице, если бы показал своим товарищам, что все понимаю и могу вполне адекватно менять свои решения... Если бы мои соратники мне доверяли, Антон не испугался бы сказать, что половинка артефакта «цепь судьбы» теперь находится у него, а значит и жизнь моего сына крепче пуповины связана с жизнью молодого бизнесмена. А Мякиш не стал бы лгать, будто стал носителем части артефакта. Теперь я понимаю, что он просто пожалел Антона и пытался защитить его от моего назойливого внимания. Веди я себя иначе, они могли сказать мне правду. И тогда я наверняка не стал бы рисковать своей жизнью ради Мякиша.

Но что получилось бы в итоге? Убив Мякиша, хантеры на этом бы не успокоились. И первым, кто пал от их рук, стал бы Антон, спешивший к нам на помощь. А если и нет, если Антон сумел бы выжить, я не смог бы просто так оставить его в покое. И кто знает, до каких низостей я опустился бы, стараясь гарантировать безопасность своего сына. Ведь тогда просто отпустить Антона домой для меня стало бы невозможным.

Прокрутив последствия всех вариантов развития событий, я с удивлением обнаружил, что все сложилось самым правильным образом. Как складывается всегда то, что хоть немного зависит от Зоны. Обман Мякиша, такой человеческий по отношению к Антону и совершенно непохожий на прежние действия этого жёсткого человека, спасли меня от моральной деградации. Кем бы тогда стал мой сын, воспитанный таким отцом? Об этом мне не хочется думать даже сейчас.

Идти вдоль ручья оказалось намного проще, хотя и приходилось время от времени углубляться в лес, чтобы обойти аномалию, полностью перекрывающую прибрежную полосу. Близость к воде ощущалась буквально во всем: от повышенной влажности и неожиданных неудобств, вроде фонтана, создаваемого «трамплином», оказавшимся на границе между сушей и водой, до мутантов, которые в одиночку и целыми выводками спеша к воде, оказывались совершенно не готовы к встрече с жестокими охотниками.

— Что ж это мы раньше такую тактику не изобрели? — с удовольствием говорил Варан, когда его квад в течение нескольких секунд расстрелял пару кабанов, даже не пытавшихся удрасть, а так и бежавших до последнего к воде. — Смотри, Борг, как удобно. Искать не надо — сидишь в засаде и лупишь как в тире. Только патроны чтоб подносили.

— Да, интересно, — с сомнением отвечал Борг, оглядываясь на своих оживлённых людей. — За три часа двухсуточную норму зверья выбили, наверное. Но не думаю, что это эффективно. После одного прохода тут вдоль ручья ещё долго никого не будет.

— Ну и отлично. Разовую зачистку вдоль всех ручьёв можно провести как специальную операцию всего клана, — от возбуждения при мысли о такой охоте Варан радостно потирал руки и даже пытался подсчитать необходимый для этого суточный расход патронов.

Борга же мысль о предстоящем проходе сквозь узкий коридор через значительное по глубине аномальное поле занимала значительно больше, чем истребление мутантов. В сооб-

щении Танка проход по «коридору» выглядел как настоящая авантюра. Преследуя контролёра и двух его прикормышей, Танк добрался до такого места, где оба берега оказались намертво заблокированы аномалиями. Попытки обхода успеха не принесли. Тогда, оценив тот факт, что беглецы ушли от него по воде, он позволил себе риск на грани безумия: скрепил пару сухих деревьев и проплыл на них по ручью прямо до озера. Причём, судя по данным его же собственных наблюдений, сделай он плот побольше, а значит объемней и неповоротливей, над парой донных аномалий в ручье пройти бы они уже не смогли. Типичный пример удачного риска, на который Борг не мог позволить себе пойти.

Зато он не был ограничен во времени, как Танк, поэтому надеялся решить эту проблему иначе. И через полтора часа ему предоставилась возможность проверить обоснованность своих надежд.

С того времени, как этим маршрутом прошёл Танк, в Зоне произошёл Выброс, и аномалии в этой части местности подверглись серьёзным изменениям. Поперёк русла ручья повисла цепь молодых «жарок», расположенных на разной высоте. Видимо, первые же их сработки привели к небольшому пожару на другом берегу. Но давным-давно упавшие деревья не только высохли, но уже и начали каменеть, так что огонь продержался недолго.

Рядом с «жарками» вдоль воды вытянулось несколько «холодильников», поэтому практически весь «коридор» затянуло молочно-белым туманом. Его стелющиеся языки пытались подняться выше ложа ручья и выбраться с обеих сторон в лес, но всякий раз бессильно сползали вниз, становясь частью серьёзной преграды для любого случайного путника. Выглядело все это как аморфная стена, от которой ощутимо тянуло холодом.

А поверх белой стены тумана, как главное украшение разгулявшейся стихии, неподвижно висело серое облако с воздушной «электрой» внутри. От облака до ближайшего дерева иногда проскакивала длинная синяя искра и тогда над водой вдоль русла ручья летел характерный треск электрического разряда. Верхушка дерева давно обуглилась и почернела, что, видимо, не мешало мощным боковым ветвям шелестеть мощной кроной зелёных листьев.

Тот берег, по которому шли «долговцы», оказался перекрыт целым каскадом «плешек». Как это часто бывало после Выброса, «плешей» вблизи «коридора» образовалось достаточно всяких и на любой вкус. На относительно небольшом пространстве даже невооружённым взглядом можно было заметить точечные «плеши» и «плеши» с большим диаметром, со сбросом втянутого вещества и так называемые «абсолютные», имеющие свойство расти с каждым днём «жизни», молодые и достаточно старые, но сдвинутые Выбросом в сторону от своего начального положения.

Борг сразу отправил разведчика с детектором в поисках обхода, но внутри уже копилась уверенность, что они достигли внешнего края скопления аномалий, окружающих озеро.

Поэтому, не дожидаясь возвращения разведки, Борг приказал ставить лагерь, а сам, забрав с собой двух лучших спецов, Рона и Соболя, хорошо разбирающихся в особенностях развития аномалий, переправился на другой берег.

Выжженная недавним пожаром поляна позволяла свободно исследовать несколько десятков метров границы аномального поля. Все остальное пространство оставалось заваленным сплошными горами лежащих вповалку старых деревьев. Даже там, где аномалии располагались плотно, одна рядом с другой, древесный бурелом хоть и выглядел немного иначе, словно причёсанный и вдавленный в землю попытками навести косметический порядок, но всё-таки оставлял впечатление иллюстрации к описанию абсолютного хаоса.

Побродив вдоль цепи ловушек, остановивших распространение огня вдоль берега вниз по течению ручья, и убедившись, что большинство аномалий находится в нестабильном равновесии, зачастую с пересечением границ влияния, Борг вернулся к воде. Большинство расположенных здесь аномалий оказались периодическими, что позволяло опытному сталкеру преодолевать их при определённом стечении обстоятельств.

Соболь, не дожидаясь команды Борга, практически сразу же прошёл за первую линию аномалий, дождавшись сработки ближайшей «жарки». Раскалённый воздух от огненной вспышки чуть не опалил хладнокровному «долговцу» лицо, но зато в следующий миг он сделал несколько быстрых шагов и оказался с другой стороны от аномалии. Второй спец, Рон, вопросительно посмотрел на Борга, но тот лишь качнул головой, показывая, что сразу вслед за первым идти не стоит.

Спина Соболя, перекрёщённая ремнями силовой портупеи и прикрытая наполовину висящим на плече автоматом, вдруг помутнела и пошла рябью — «жарка» принялась набирать энергию для следующего разряда, и «долговец» оказался окружённым со всех сторон опасными ловушками. Но Соболь назад не оглядывался. Изучив показания своего детектора, он сделал несколько шагов вдоль обрыва, присел, высматривая что-то слева от себя, встал на четвереньки и скрылся за переплетением корней лежащего на боку дерева.

Через несколько минут с той стороны что-то сильно хлопнуло, вверх поднялось облако пыли, и сразу следом Соболь крикнул, что у него все нормально. Пыль быстро рассасывалась соседними аномалиями. Часть мгновенно «проглотили» две соседние «плешки», часть ушла в едва заметную среди лежащих вповалку деревьев «воронку», совсем немного утянуло потоком воздуха в сторону ручья. Несколько секунд — и воздух очистился от пыли, словно ничего и не произошло.

— Дальше есть свободный проход! — крикнул откуда-то из глубины сплошной древесной баррикады Соболь. — Думаю, метров пятьдесят пройти можно! Продолжать?

— Нужно постараться сразу пройти насквозь! — громко сказал Борг, кивая второму спецу. — Один не ходи, дождись Рона!

К преодолению «коридора» приступили только через два с лишним часа, когда Соболь и Рон вернулись уже по другому берегу ручья, внезапно вынырнув из плотной стены тумана. Одежда на обоих дымилась после того, как их опалило напоследок «жаркой», но других неприятностей им удалось избежать. Оказалось, что пройти в сторону озера можно только по левому берегу ручья: одна из аномалий не позволяла пройти в обратную сторону. Поэтому выбираться обратно пришлось по правому берегу, рискуя оказаться в огне одной из жарок, срабатывающих друг за другом цепочкой. Про обратную дорогу Борг пока даже не задумывался, поэтому построил сводный отряд и погнал по одному человеку с интервалом в пять минут по маршруту, разведанному Сободем и Роном.

Совсем гладко пройти не удалось. Четвёртый по счёту человек перепутал интервал задержек в работе двух «жарок» и чуть не погиб в пламени одной из них, успев в последний момент скатиться под обрыв и замереть там в опасной близости от двухметровой воронки «карусели». Борг видел его, когда шёл по маршруту следом, но помочь ничем не мог. Выбравшись с другой стороны сплошного аномального поля, он дождался, пока между «ситом» и «плешкой» выберется идущий следом Соболь и вместе они за несколько минут составили план спасения товарища.

По счастью, рядом с «каруселью» не оказалось её любимой соседки — «электры». Прихватив прочную верёвку из своего снаряжения, Борг, Рон и Соболь переплыли через глубокий в этом месте ручей и прошли сквозь все аномалии обратно. Последний рывок дался особенно тяжело: вся троица выбралась из стены тумана с опалёнными волосами, но в итоге они снова оказались на левом берегу, где своей очереди шагнуть между аномалий дождался замыкающий «долговец».

Дальше все оказалось не так уж и сложно. Сама по себе «карусель» считалась опасной только в одной высоко расположенной точке, куда и тащила все, до чего могла дотянуться. Попади человек даже на самый край воронки, шансов удержаться у него уже не будет. Другое дело, если суметь протащить его в нижней части аномалии, не дав «карусели» успеть поднять его слишком высоко. Поэтому наскоро скрутив некое подобие волокуши, Борг и Соболь ушли

в сторону от проложенного ранее маршрута и вышли к обрыву, миновав коварную «жарку». Рон прошёл прежней дорогой, но потом свернул в сторону и вышел к ручью ниже по течению.

«Карусель», поселившись рядом с берегом над поверхностью ручья, пыталась раз за разом поднять вверх всю воду, попавшую во внешний край воронки. Во все стороны летели клочья пены, но превратить ручей в красивый фонтан, как это делал почти любой «трамплин», «карусель» не могла. «Долговец» держался из последних сил, медленно сползая вдоль крутого берега в сторону «карусели».

Волокушу ему опустили почти на голову и велели держаться покрепче. Верёвку осторожно сплывали вниз по течению, чтобы потом можно было вытянуть человека мимо «карусели» в центр ручья. Дальше дело пошло веселее. Рон контролировал положение и натяжение верёвки, а весь остальной сводный отряд, кроме двоих дозорных, переправился на правый берег. Бедолагу вместе с волокушей выдернули из-под «карусели», как редиску из грядки. Уставший и вымокший, но живой «долговец», едва держась на ногах, подошёл к Боргу и доложил о готовности выполнять задачу, поставленную кланом.

— Настоящий боец, — с чувством сказал Борг, когда спасённого практически увели под руки два квад-медика.

— Где ночевать будем, командир? — стоявший рядом Варан осмотрелся по сторонам. — Может, прямо здесь?

— Нет, — сказал Борг. — Отсюда до берега озера ещё около километра. Надо пройти хотя бы половину.

Над Зоной медленно опускался вечер. Далеко впереди темнел силуэт высокого холма.

Когда к ногам Хука бросили незнакомого окровавленного человека, он не стал ничего спрашивать, лишь глазами показал Когтю на большой котёл с едой, а сам, не торопясь, продолжал зачерпывать ложкой из жестяной миски наваристую гречневую кашу. Через несколько минут пленный слабо заворочался и тяжело приподнялся на связанных руках. Хук задумчиво изучал разбитое в кровь лицо незнакомца.

— Жратву жрёте? — неожиданно прохрипел пленник, облизывая языком распухшие губы. — Ну ничего, козье вымя, скоро наши подойдут — дерьмо жрать будете.

— Где вы нашли это чучело, Коготь? — спросил наконец Хук, откладывая ложку. — И зачем притащили сюда?

— Ты что, не понял? — развеселился Коготь. — Это же сам Крот, хозяин дома с артефактами. Он нас теперь прямиком к домику своему отведёт, сам мешки хабаром наполнит да ещё и короткую дорогу обратно покажет. Дай только время с ним более качественно потолковать. А то за пару сеансов лечения мозгов у деда не прибавилось.

— Зато у тебя скоро убавится, — с ненавистью ответил пленник, усаживаясь и смаргивая подсохшую кровавую корку на заплывшем глазу.

— Крот? — удивился Хук. — Я почему-то всегда думал, что он постарше должен быть.

— Конечно, Крот. А кто ж ещё? — самодовольно сказал Коготь. — Теперь понимаешь, кому Зона добрый знак подаёт? Я теперь хозяин Крота. А значит и всех его богатств.

— Да что-то не похоже, что он тебя своим хозяином считает, — насмешливо сказал Ганс с другой стороны от костра.

— Ничего, — спокойно ответил Коготь, — сейчас поем и приступим к разъяснительной работе.

— Ну зачем же так? — кротко сказал Хук. — Мы не бандиты с большой дороги, с разумным человеком всегда проще договориться.

— А ты что за крендель? — тут же с вызовом спросил Буль.

— Не обижайся, Крот, — миролюбиво ответил Хук. — Мои люди погорячились, но ты сам виноват в этом. Когда у человека руки связаны за спиной, ему лучше вести себя пожемливей.

— Я спросил: кто ты такой? — грубо рявкнул Буль, словно не он, а Хук сидел перед ним со связанными руками. — Когда мне захочется посмотреть, как посрать изо рта — я тебя, урода, отдельно оповещу.

— Ух ты, — неподдельно удивился Хук. — Такой старый и такой грубый. Я разочарован. Коготь, ты, кажется, обещал довести обучение до конца? Только осторожнее, нам он ещё нужен живым. И желательно говорящим.

Коготь тут же поставил миску на землю, сделал знак одному из своих людей и подошёл к пленнику. Буль злобно смотрел на приближающихся мучителей. А когда Коготь занёс ногу для удара, неожиданно бросился вперёд и попытался укусить его. Но в этот момент второй человек с силой ударил Буля ногой сверху по спине, а мгновением позже Коготь добавил под ребра.

Хук снова взялся за ложку, с интересом наблюдая, как избивание связанного немолодого пленника превращается в дикий фарс. Избиваемый не лежал, как положено, пытаясь прикрыть локтями и коленями наиболее чувствительные места, а с рычанием катался по земле, стараясь дотянуться до своих мучителей. И сколько его не били, казалось, совершенно не обращал внимания на боль.

— Хватит, — негромко скомандовал Хук, откладывая пустую миску.

Тяжело дыша, Коготь с напарником отступили от грязного рычащего зверя, в которого превратился пленник. Тот сразу же затих, немного полежал, переводя дух, и начал приподниматься на руках, пытаясь сесть. Хук кивнул Когтю и тот рывком за ворот куртки перевёл пленника в сидячее положение.

— Ну что, вспомнил своё имя или приступ слабоумия продолжается? — тут же прохрипел Буль, с вызовом задирая голову.

— Вспомнил, — спокойно ответил Хук, как бы признавая, что избивание пленника ничего толком не изменило. — Меня зовут Хук, и я со своими людьми пришёл к тебе в гости.

— Да на кой хрен мне такие гости нужны? — риторически осведомился Буль и сплюнул кровавую слюну. — Валите отсюда, пока я не рассердился.

— А то что? — издевательски спросил Коготь. — Караульный взвод позовёшь? Слышь, Хук, он нас по дороге караульным взводом пугал!

Хук недовольно посмотрел на Когтя, потом перевёл взгляд на Ганса и едва заметного качнул головой.

— Не мешай командиру вести допрос, — тихо сказал Ганс Когтю. — Пойди поешь, да людей своих проверь.

— Крот, не надо ломать комедию, — миролюбиво сказал Хук. — Мы знаем, что ты живёшь на озере совсем один. И нет у тебя никакого караульного взвода. Зато есть большие проблемы с хранением артефактов.

— Хренофактов, — тут же сказал Буль. — Так и быть, одолжу парочку, чтоб на могилку твою положили.

— Ты напрасно упрямисься и ведёшь так себя вызывающе, — спокойно продолжал Хук. — Ты здесь один и ничего сделать не можешь. Никто к тебе на помощь не придёт — на много километров здесь ни единой живой души. Но ты можешь купить свою свободу и спокойную жизнь за ненужный тебе хлам. Ты же учёный. Оставь себе то, что изучаешь, а мы заберём то, что уже изучено. На мой взгляд, вполне справедливое предложение. Тебе жизнь, нам — отработанные материалы. Обещаю: как только мы получим, что нам нужно, в тот же момент уйдём и больше ты нас никогда не увидишь.

Один из людей Когтя принёс и сложил горкой у ног Хука автомат, два запасных магазина, гранату, складной нож, флягу и, похожий на спичечный коробок, серый пульт радиовзрывателя.

— У этого с собой было, — сказал человек Когтя и отошёл в сторону.

Буль коротко посмотрел на свои вещи, прикрыл глаза, тяжело вздохнул и вдруг сказал:

— Слышь, ты, Хрюк. Я согласен. Только по уговору все. Я веду вас к дому, разминирую проходы на воде, отдаю артефакты. Но чтоб потом ноги вашей возле моего озера не было.

— Проходы на воде? — удивился Хук. — Ты ставишь возле дома морские мины?

— Не морские, — буркнул Буль. — Озёрные. От таких, как вы, и ставлю. Давай, собирай свою кодлу, и пошли.

— Да мы обождём до утра, — подозрительно сказал Хук, недоверчиво разглядывая пленника. — А то, неровен час, зайдём в какую-нибудь неприметную аномалию. Так что, если задумал ты нас перехитрить, не стоит даже близко такие планы строить. Мы тебе не бандиты какие-нибудь, многие не первый год Зону топчут. Эй, Ганс, напои деда и дай поесть. Но руки не развязывай. И к дереву на всякий случай привяжи, чтоб не устроил что-нибудь. Так привяжи, чтобы видно его было дежурному.

— Отпустите, не пойду! — пронзительный крик откуда-то из-за деревьев заставил всех обернуться в ту сторону.

Спустя несколько секунд показался один из людей Когтя, буквально волочивший за руку Палёного.

— Ха, да это нашему проводнику дали возможность свидеться с благодетелем! — весело сказал Ганс. — Давай-давай, тащи его сюда.

— Нет, отпустите, я не могу! — визжал Палёный так, словно его собирались как минимум кастрировать. — Не хочу, не пойду!

Люди, собравшиеся поглазеть на пленника, оживлённо переговаривались в предвкушении нового зрелища. Палёный понял, что сопротивляться бесполезно, и последние несколько шагов прошёл, не издав ни звука. Ничего не понимающий пленник вопросительно посмотрел на Хука. Но тот лишь хмыкнул и кивнул на Палёного:

— Узнаешь благодарного пациента?

Буль понял, что через несколько секунд будет разоблачён. Но деваться было некуда, поэтому он осторожно провёл рукой по лицу, размазывая кровь и грязь, и уставился на Палёного. Что это за человек и почему Крота называли его благодетелем, Буль не понимал. Но морально готовился к неминуемому развитию событий. Однако Палёный не спешил броситься в объятия «благодетеля».

— Ну что же ты, Палёный? — издевательски спросил Ганс. — Столько времени провести в ожидании новой встречи и так стесняться, когда она состоялась?

Сталкеры вокруг засмеялись, посыпались шуточки и подбадривающие возгласы. Чувствуя всеобщую враждебность к странному парню, но, не понимая её причины, Буль нахмурился и гордо расправил плечи, подозревая, что смеются и над ним тоже. Палёный стоял перед Булем сгорбившись, опустив голову к земле, словно опасаясь, что, встретившись с пленником взглядом, сразу же окаменеет.

— Палёный! — резко сказал Хук.

Парень вздрогнул, рывком поднял голову и открыл зажмуренные до этого глаза. Несколько секунд он бессмысленно смотрел прямо перед собой, потом часто заморгал и уставился на пленника со странным выражением на лице. Люди вокруг затихли, чувствуя, что происходит что-то необычное. Несколько секунд на поляне царила гробовая тишина. И вдруг Палёный резко расхохотался.

Буль мрачно смотрел на него, осознавая, что с каждой секундой разбирается в происходящем все меньше и меньше. Но в том, что до разоблачения остаются считанные секунды, он

уже не сомневался. Впрочем, это было не так уж и важно. Крот наверняка обнаружил пропажу товарища и, сумев сделать верные выводы, успел спрятаться в плавучем доме.

— Ну что, старый дурак, — насмешливо сказал Палёный, глядя на Буля в упор. — Попался?

Буль уже собрался было метким ответом поставить уroda на место, но Палёный не дал ему вставить и слова:

— Думал, что я чувствую себя должником? Да хрен там. Это не ты, это Зона меня спасла твоими руками. А ты — просто жалкий старпер.

Теперь Буль догадался, кто перед ним. Именно по вине этого человека бандиты уже второй раз пришли к озеру Крота. О парне, спасённом Кротом и продавшем информацию о своём спасителе бандитам, он слышал в первый же день после прибытия на озеро. В бешенстве Буль дёрнулся вперёд, позабыв о побоях и связанных руках, и повалился лицом в землю под дружный хохот сталкеров Хука.

— Тьфу! Вот идиот, — презрительно сплюнул на землю Палёный, равнодушно повернулся к Булю спиной и пошёл прочь.

И только в этот момент до Буля дошло, что Палёный прекрасно знал Крота в лицо.

Команда военных сталкеров, в кратчайшие сроки выполнив сложнейшее задание, в полном составе возвращалась на базу. Несмотря на стремление Серого успеть до темноты разместиться в удобном для ночёвки месте, дойти до него военсталы не успевали.

Сперва все шло как нельзя лучше. Капитан Сенников безропотно шагал в середине растянутой цепочки людей Серого, в разговоры ни с кем не вступал, ни на что не жаловался и ничего не просил. Таким образом, большая часть отряда даже понятия не имела, кого им приходится то ли спасать, то ли конвоировать из глубины Зоны к Периметру. Следуя старой сталкерской примете, шли не точно по тому же маршруту, которым ранее прибыли к озеру, а на некотором расстоянии от него, не теряя при этом из вида основных ориентиров.

Обычный походный порядок подразумевал необходимые меры предосторожности, поэтому часть людей двигалась с оружием наготове, наблюдая за окрестностями. Но ни один мутант не потревожил своим присутствием крупный отряд вооружённых людей. По мере удаления от озера аномалий становилось все меньше, распознавать их даже обычными детекторами становилось все проще, и Серый окончательно поверил, что эта ходка уже сложилась как надо и больше не принесёт никаких неприятных сюрпризов. Правда, вместе с некоторым ослаблением, вернулось и обострённое чувство неприязни к «спасённому» капитану.

— Шагает себе, гнида, — бурчал Серый так, что его слова слышал только идущий справа Стерх. — Живой и здоровый. А парни из-за этой мрази в земле гниют.

— Серый, заканчивай, — Стерх даже не пытался скрыть раздражение. — В засаду к мародёрам кто угодно попасть может, и капитан тут вообще не при чем. А вот ты своим недовольством можешь навлечь беду быстрее всякого капитана.

— Все равно урод, — буркнул Серый и недовольно замолчал.

Он понимал, что его заместитель прав, и что волю эмоциям давать нельзя, но ничего не мог с собой поделать. Самое же неприятное заключалось в том, что разумом он прекрасно понимал, кто именно виноват в гибели большей части его предыдущей команды. Понимал, но никак не мог смириться с тем, что тот, кто купился на дорогой артефакт, кто поверил лживому бандиту и кто привёл отряд прямо в засаду, каждый день смотрел на майора Кратчина и сталкера Серого из зеркала.

Впрочем, вскоре о капитане Сенникове пришлось забыть: прямо на пути отряда внезапно открылся глубокий овраг. И как только военстал, идущий первым, остановился на его краю,

что-то невидимое бросилось на него от ближайшего куста, схватило, впилося острыми зубами в шею так, что фонтаном брызнула кровь, и утащило вниз по крутому склону. Это произошло так быстро и оказалось настолько неожиданным, что никто даже не успел открыть огонь.

Но в отряде почти не было новичков, поэтому, спустя несколько мгновений, военные сталкеры начали реагировать и без дополнительных команд Серого. Те, что шли спереди и сзади от Штыка, оттащили его в сторону, заставили залечь, а сами устроились рядом, готовые стрелять при первых признаках опасности. Двое военсталов, оказавшиеся ближе всего к месту нападения, разбросали в разные стороны звуковые гранаты, и, когда тонкий свист нестерпимо засвербил в ушах, подобрались к самому краю оврага, осторожно заглядывая вниз и поводя стволами автоматов.

Остальные заняли круговую оборону, за несколько секунд наметив ориентиры и разобрав сектора обстрела. Стерх остался командовать арьергардом, а Серый с автоматом наперевес быстро добежал до места нападения.

— Похоже, кровосос, — сказал ему один из военсталов, тыча автоматным стволом вниз.

На дне оврага виднелось неестественно изогнутое тело их товарища. Вокруг него успела натечь большая лужа крови. Серый вытащил бинокль и внимательно осмотрел склоны оврага. Если кровосос только убил человека и не успел высосать из него всю жидкость, значит он спрячется где-то недалёко и будет ждать. Это означало, что монстр попался из числа тех, кто понимал опасность огнестрельного оружия, но совершенно не боялся вооружённых людей. И как ни хотелось Серому поскорее выбраться за Периметр, оставлять монстра в живых, равно как и бросать тело товарища, было решительно невозможно.

— Стерх, — сказал он в гарнитуру. — Леха мёртв, а кровосос где-то затаился. Давай как обычно для прикрытия флангов людей заворачивай, чтоб посмотрели вокруг на всякий случай, а мы тут зверюшке хвостик прищемим.

— Понял, — коротко отозвался Стерх.

Военсталы, до этого охранявшие Штыка, поднялись и, проверяя пространство впереди детекторами аномалий, отправились на разведку левого фланга. Стерх с одним из своих людей сместились вправо. Серый командовал у края оврага, показывая, как и куда следует бросать ослепляющие гранаты, где поставить ручной пулемёт и как следует спускаться, чтобы не дать кровососу шансов на повторную атаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.